

Олег АЛИФАНОВ

ВСЕ, КОГО

1

МЫ УБИЛИ

12+

@ЭЛИТА

Олег Алифанов

Все, кого мы убили. Книга 1

Электронное издательство "Аэлита"

2016

Алифанов О.

Все, кого мы убили. Книга 1 / О. Алифанов — Электронное издательство "Аэлита", 2016

1830 год. Выпускник Московского Университета Алексей Рытин получает от Общества Древностей предложение отправиться в Святую Землю. В пути его настигает предписание проследовать в имение князя Прозоровского, где при осушении болот были обнаружены некоторые древности. Следуя вопреки голосу разума движениям души, он оказывается втянутым в расследование ужасного преступления длиною в века – историю, перепутавшую древний миф, научную конкуренцию, грабителей курганов, тайное общество и сердечную страсть к дочери князя. В результате злоключений он становится незаконным обладателем загадочного артефакта – скрижали с древними письменами, как-то связанными с легендой о последней битве, затрагивающей три части света. Алексей угодил в центр чьей-то старинной борьбы, он догадывается, что путь его и находки не случайны; будучи ученым, он отвергает всякую мистическую сущность событий, но как человек верующий, не может не чувствовать, что события выходят за рамки объяснимых физическими формулами. Сюжет развивается на фоне «восточного вопроса» и исторических реалий периода 1830 – 1835 гг.

© Алифанов О., 2016

© Электронное издательство
"Аэлита", 2016

Содержание

1. Прохор	7
2. Бларамберг	9
3. Ведун	16
4. Художник	21
5. Княжна	25
6. Угроза	37
7. Дамба	45
8. Загадки	53
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Олег Алифанов
Все, кого мы убили. Книга 1
*Историко-приключенческий роман с
элементами конспирологии и мистики*

Ныне, когда сочтены уже дни мои, помолившись усердно Иоанну Дамаскину, чьим пером неизменно вдохновляюсь и которому не дерзаю подражать в скромных трудах своих, решил я доверить бумаге историю, сделавшую меня таким, каким стал я тому сорок лет и остаюсь по сию пору.

По малолетству счастливо избежав событий междуцарствия (ибо в силу вспыльчивого характера моего, не будь я юн, то непременно случилось бы мне стоять на Сенатской площади), спустя без малого четыре года, с отличием окончил я Московский Университет, где наряду с прочими науками слушал курс археологии и истории изящных искусств блистательного профессора Снегирёва. Всё время учёбы снедавшая меня страсть к путешествиям перемежалась с любовью к архивным изысканиям, так что немало дней провёл я в дороге, объезжая монастыри с Калайдовичем и Строевым, едва не сходя с ума от радости открытия дел давно забытых соборов и слушая вдохновенные речи о Холопьем городке и значении камня тмутараканского.

Поступив служить в канцелярию Дворцового Ведомства в чине коллежского асессора, вскоре получил я лестное предложение от Общества Истории и Древностей Российских при любезном моём Университете отбыть в экспедицию по Святой Земле и окрестностям её. Надо ли описывать восторг молодого человека, грезившего деятельностью в отдалённых краях, о которых зачитывался он ещё недавно!

Всего более воспламеняла меня мысль, что стану я одним из первых в числе гражданских лиц, кои посетят беспрепятственно благословенные земли сии, сношения с которыми оказались прерваны на долгие девять лет, и находившиеся попушением Божиим под властью беспокойного южного соседа нашего.

К слову сказать, лишь упомянутая мною чрезмерная нервозность являлась единственной причиной, по которой избрал я статское, а не военное поприще – то самое, которое помогло

моим решительным сверстникам гораздо ранее осуществить мечты к перемене мест как по морю, с контр-адмиралом Гейденом, так и кавалерийским манёвром, с прославленным баловнем судьбы Паскевичем.

Не стану утруждать никого подробными описаниями моего непримечательного прошлого и истории своей семьи, ибо рассказ мой и без того не краток. Скажу лишь, что матушка моя, женщина набожная и благочестивая, ни минуты не сомневалась в благополучном исходе упомянутого предприятия и, складывая в дорогу вещи, радовалась моему поручению более меня самого, попутно решительно отвергая все осторожничанья братьев и сестёр, собравшихся в урочный час в нашем уютном домике на Остоженке.

Так или иначе, дав скорое согласие и будучи вызван в Санкт-Петербург с целью принятия депеши от Его Величества для Иерусалимского в Константинополе патриарха, я справил паспорт на свободный проезд в Османскую Империю у Военного генерал-губернатора Петра Кирилловича Эссена, и присоединился к паломникам. Среди них более всех сдружился я с неким Стефаном, бывшим со мною на высочайшей аудиенции и получившим записку для вручения графу Воронцову в Одессе, куда и пролегла сухопутная часть пути нашего.

Простившись надолго с близкими и покинув столицу апреля 28 числа 1830, караван наш, всего до двадцати человек преимущественно частных лиц разного звания, неспешно тронулся к желанной цели в дорогу, на которой, признаюсь, было для меня не менее интересного, чем за морем.

И разве мог предположить я тогда, что самые тяжкие искушения ждут меня вовсе не на чужбине, а в родной стороне моей.

Уже в Новороссийских пределах, когда стояли мы в ожидании лошадей у соляных ключей на речке Каменке, догнало меня предписание от Общества с наставлением оставить миссию и проследовать в имение князя Прозоровского, что уводило в сторону от маршрута на добрую сотню вёрст. В бумаге говорилось, что в результате земляных работ обнаружены там некие древности, и князь, сам коллекционер и известный попечитель музеев в Николаеве и Одессе, просит нынче же летом прислать комиссию для исследования оных ценностей. В мои же поручения входил краткий осмотр упомянутых предметов для рекомендации, кого и в каком количестве назначить в экспедицию, с каким инструментарием, и целесообразно ли это делать силами Общества или адресовать послание Румянцевскому кружку в С-Петербург. Старый слуга мой даже перестал по обыкновению кряхтеть и жаловаться на свою долю, и собрал вещи мои в полчаса, боясь, как бы я не передумал двигаться скорости ради единолично.

Словом, оставив своих спутников в загадочном недоумении и вытребовав для себя лошадей и повозку с возничим (для чего вместо подорожной пришлось применить пакет с императорской печатью) тем же вечером ночевал я уже в двадцати вёрстах от прежнего места, в краю, некогда именовавшемся Новой Сербией, на постоялом дворе, содержавшемся четой арнаутов, в виду руин старой паланки, наполовину растащенной для укрепления этого самого двора.

На ужин, который я, наслаждаясь тихими сумерками, просил накрыть во дворе вымазанного белой глиной дома, подали водку, кофе, и целую запечённую стерлядку с гарниром из гречки и окружённую фунтом стерляжьей же икры. Перебирая глазами нехитрую крестьянскую утварь, расставленную под навесом трактира (называемого здесь уже на греческий манер таверной) я размышлял о диком ещё недавно обширном крае, вверенном Богом попечению и усердию государей наших в тяжкое время волнений и войн.

Уснул я в чисто прибранной спальне мезонина, куда выходила обложенная жёлтыми изразцами печная труба, в мечтах о цимлянском вине, на широкое угощение которым весьма рассчитывал, зная о пристрастиях князя Прозоровского, и попутно раздумывая, успею ли нагнать поклонников в Одессе, или же придётся присоединиться к ним в Константинополе, на волнующих берегах шумного Босфора.

1. Прохор

От сих путь предстоял на сдаточных, вёрстах в пяти предстояло нам съехать с почтового тракта. Наутро другой уж возница, именем Прохор, закладывал в порядком разбитую бричку с круглыми рессорами новую пару чалых лошадок. От того не желалось ему выказывать мне лишних почестей, что были мы оба молоды и почти что ровесники, или вообще, являясь потомком однодворцев, чувствовал он в этом родном для него краю лихую удаль, но ни тени робости не виднелось в его широком лице, смешавшем в себе множество степных и южных кровей. Да и я предпочёл простоту общительности сословным различиям, не желая, чтобы чины и звания мои, высокие для мест сих, стали препятствием к удовлетворению краеведческого любопытства. Немало рассказов о всяком местечке, что размеренно миновали мы, услышал я от него в пути, многое узнал о дрязгах незнакомых мне доселе жителей; мне нравилась его простая нелицеприятная речь, в коей и словоерсы-то были употребляемы не из подобострастия, а лишь для форсу.

Я спросил, знает ли он дорогу в имение Прозоровских.

– Я тут, почитай, вёрст на двести кругом всех знаю-с, – сообщил он скорее из снисхождения, чем хвастовства, – земли у него с избытком. Только туда вашу милость не повезу.

За какие заслуги вдруг решил наградить он меня таким странным титулом, я спрашивать не стал.

– Что так? – малый понравился мне, и я желал бы путешествовать с ним до конца, и даже обратно, потому как от вчерашнего моего кучера с трудом добился я пары-другой слов. – Разве невыгодно? Прогон там долгий.

– Не полагается, – ответил он после заминки. – В Знаменском должен я смениться, а после обратно, или куда пошлют-с. У нас ведь только кони отдыхают, а ямщику или кнут в руки – или кнутом по вые.

Он показательно засмеялся своей несколько преувеличенной шутке.

– Я скажу смотрителю, так он, пожалуй, согласится, – обнадёжил я Прохора, а более себя самого.

Да не тут-то было.

– Смотрителя там уж нет, а только староста. Дорога – не столбовая. Разве так-с, – произнёс он после раздумий, несколько поникнув, и обернулся, – два целковых набавишь?

– Не слишком, молодец? – нахмурился я, более от самого возражения, нежели от запрошенной мзды.

– К князю разве кто захочет ехать? – спокойно сказал он. – Другой и вовсе – бросит за версту, так барин и запылится по дороге.

– Отчего же его бояться? Нравом крут?

– Что сразу: крут-с! Не его, чего нам его бояться, Хлебниковы – люди не подневольные.

– Тогда – что?

Он помялся и покрутил головой, словно оценивая, достоин ли я его речей.

– Земли у него дурные. Говорят, людей едят-с.

– Пески зыбучие, что ли?

– Пески ли, подзол – я не нюхал. А заживо – жарят. Проще говоря, нечисто там.

– А за два рубля уже и почище? – усмехнулся я.

– Коли серебром, то всё ладно-с. Нечистая сила, она серебра-то боится, – оживившись, расхохотался он во всю ширь своего скуластого лица, и я вслед за ним. – И видали там разное, да не все назад пришли. – Голос его изменился, там почудились мне резкие нотки. – А иные, кто и вернулся, рот на замке держали... Пока не помёрли. Оба брата Астахова, кóвали, мы с одного конца, нанялись к князю на лето. Раз-другой сходило им, хоть и много чепухи сказывали. На

Покров, по первому инею, нашли их. В село с работ вертались. Да не помёрзли: спалил их огонь. Даром, что кузнецы. А денежки – две красненьких – целёхоньки. Да и князь вскоре – того-с.

– Умом, что ли, тронулся? – грозно спросил я, желая пресечь совсем уж нелепые сплетни, которыми по обыкновению простецы окружают своих господ, но не возымел действия на ямщика.

– Может и тронулся, да только совсем – того... кончился-с, – объяснил он и, цыкнув зубом, очертил со свистом саженым кнутом круг поверх голов лошадей и наших.

– Да о каком ты князе толкуешь, что он – того-с? – с негодованием передразнил я.

– О старом, коему нынешний – племянник. Лет двадцать минуло.

– И ты сам не видел, а только поминаешь дедовы сказки! Негусто, – поддел я, вздохом изобразив разочарование.

– Так это только начало, – обиделся кучер. – Погоди, ещё не то расскажу.

– Стало быть, получишь сверху рубль на берег! – обещал я, отходя. – Но не боле. А ты что ж, в эти небылицы веришь?

– От моей веры тут ни убавить, ни прибавить. А нечисть, она... кому небылица, а кому и кобылица.

– Скорее уж не кобылица, а курица, кому несёт золотые яйца, а кому серебро рублями, – закончил я за него, и мы снова расхохотались.

– А всё-таки редко кто повезёт за рубль, – после сказал он упрямо.

Я располагал достаточным количеством денег Общества, главная часть которых дожидалась меня у посольского казначея в Константинополе, но целковый составлял изрядную сумму, из чего я вывел сразу несколько гипотез: Прохор – парень хваткий, а князь не в доле ли с возничими? Так, смеясь и перешучиваясь, держали мы ухабистый путь по бескрайним пустынным равнинам нашего юга, надолго оставляя за собой висеть в тихом мареве жёлтую пыль. Стараниями наместника основные дороги достоинствами своими превосходили ожидания, что делало передвижения по ним приятным времяпрепровождением, но здесь ещё, как говаривал Прохор, не многие кочки были переложены в рытвины.

Всё дышало лёгкостью и свободой, испокон веку присущей этим краям, и, казалось, никакие события не могут выветрить из широких степей их духа. Любые явления, мнимые людьми величественными и важными, здесь отдавались лишь дуновением мимолётности, словно рисуя наглядную картину слов Екклезиаста о суете сует. Изредка попадались нам встречные повозки, но ни одного мало-мальски богатого экипажа не заметил я на всём двадцативёрстном пути до обеденного привала. Лишь на постоялом дворе с краю большого села увидел я впервые добрую карету.

Даже по меркам пустынной Новороссии, людным это место я бы не назвал. Лошадей нам обещали без проволочек, но после тряски я дал себе слово встать из-за трапезы и чая не ранее двух пополудни. Таковое распоряжение я и отдал Прохору, но единственный обедавший за соседним столом холеный господин лет шестидесяти поднял на меня голову и оторвался от кулебяки с капустой.

2. Бларамберг

– Позвольте представиться, – чуть приподнялся он, и его значительный густой голос наполнил залу, – Бларамберг Иван Павлович. Путешествующие и монахи могут позволить себе не строить церемоний. Следую в Одессу.

Многое в жизни нашей происходит от случайностей, иногда губительных, а иной раз возносящих к вершинам славы. И как узнать, какое мимолётное слово стронет с места длинную череду событий неумолимым поворотом жерновов судьбы? Но в то время неискущённость молодости внушала мне, что не может произойти ничего такого, что впоследствии свобода человеческой воли не сумела бы направить в любое желаемое русло.

Когда свершилось предначертанное мне? В тот ли самый миг – или часом позже?

– Очень рад! – воскликнул я, будучи заинтригован негаданной встречей с известной в нашем кругу персоной, и представился в свой черёд без чина, тем паче что перед статским советником щеголять было особенно нечем: – Алексей Петрович Рытин. Также направляюсь в Одессу, но вынужден сделать небольшой крюк, исполняя поручение начальства.

Тем самым глупое высокомерие всё же толкнуло меня дать намёк на мой официальный статус. Он окинул меня острым взглядом и пригласил за свой стол, приказав принести закусок, которые мог рекомендовать лично.

– Я часто бываю здесь проездом. Кормят тут, – он ткнул тонким указующим перстом с длинным изящным ногтем в столешницу, – превосходно. Хозяин мог бы держать трактир и на приморских бульварах, я не раз предлагал свою протекцию. Разрешите старику заказать для гостя, а вы уж извольте не отказываться.

Признаться, с трудом оторвался я от созерцания этих рук. Я, конечно, не предполагал, что знаменитый дилетант (и это я пишу без тени уничижительности), в прах раскритикованный самим Кёлером, лично расчищает курганы и захоронения, но всё же такие пальцы более подходили органисту, нежели учёному, работающему в земле.

– А что, Иван Павлович, – спросил я, поблагодарив за заботу, – разве тут поблизости идут раскопки?

Расчёт оказался верен, тут уж и я заинтриговал его, потому что он ухмыльнулся и задержал на мне пронзительный взгляд долее прежнего, сразу кончив отдавать распоряжения кулинарного свойства:

– Вы обо мне знаете?

Я поведал ему вкратце, кем являюсь, чему он удовлетворённо кивал, однако ближе к концу повести лицо его становилось всё более озабоченным.

Но, так или иначе, временем мы оба располагали, Бларамберг поднял заздравную государю, и через мгновение разом опрокинутые бокалы стукнули о стол. Я снял сюртук и, развязавши галстуки, мы удобно расположились *tete-a-tete* на покрытых коврами скамьях. Боле уж не вставали, произнося славословия то за нашу науку, то за Университеты и плоды просвещения, то за родных и близких. Иван Павлович сидел, далеко откинувшись назад, двузубой вилкой в пол-аршина ловко цеплял аппетитные разносолы и оценивающе глядел на меня, я же размышлял о своих смешанных чувствах относительно этой встречи.

Разумел я так, что Бларамберг и Прозоровский не могут не состоять в коротком знакомстве, но спрашивать собеседника напрямую мне не хотелось. Если первый находится в неведении относительно находок второго, то пускай бы так всё и оставалось до приезда столичной комиссии, или хотя бы до моего рассмотрения. Даже особенно – до моего рассмотрения.

Я ощущал ревность, какая присуща любому исследователю или охотнику, который хочет уж если и не абсолютного первенства, то, по крайней мере, вовсе не желает обнаружить сотню коллег, топчущихся на одном с ним поприще. Вторым чувством, которое я испытывал к Ивану

Павловичу, было превосходство классически образованного художника над талантливым самородком, превосходство тем более нелепое, что я, в отличие от моего vis-a-vis, не сделал в науке почти ничего.

Образование может играть с нами злую шутку, когда мы чрез меру полагаемся на блеск авторитета учителей, в точности так и моё отношение явилось результатом резкой отповеди хранителя Эрмитажа о провинциальных археологах, к коим относился и мой именитый собеседник; мнения, несправедливость которого считал я очевидной, суждения, более похожего на огульное обвинение, но укоренившееся в среде многих университетских светил. И это мнимое его уничтожение словно бы позволяло мне несколько возвыситься над директором Одесского музея древностей.

Впрочем, он сам вскоре рассеял мои недоумения.

– Раскопки ведутся, и немало где. Самым интересным делом почитаю открытие кургана Куль-Оба, что под Керчью. Ценностей там поболее иных египетских.

– Счастлив этот город, управляемый нашим коллегой Стемповским, ибо теперь древнее наследие окажется под пристальным и рачительным оком.

Снова пустое тщеславие толкнуло меня распространяться в своём всезнайстве, но Благрамберг отнёсся к этому снисходительно, и рассказал, что заслуга в открытии захоронения принадлежит не Ивану Алексеевичу. Волею судьбы господин Дебрюкс был назначен начальником работ по сбору строительного камня в тех окрестностях, ему следует отдать и лавры. Весьма важно, в чьих руках оказывается надзор, иначе случается кое-что пострашнее грабежей охотников за сокровищами, а именно то, что зовём мы про себя генеральскими раскопками. И объявляется какой-нибудь Розенберг, взрывающий могильники порохом, как случилось там же, под Керчью, с величественным куполом Золотого кургана. Слишком многочисленное племя военных, оставшись без предназначенного им дела, по примеру Бонапарта тешит досуг занятиями археологией. В последнюю войну их поубавилось, а сейчас снова беда на марше: с каждой победой генералы множатся, скифы же, увы, нет.

– Уж если и изымать ценности, то делать это так, как древние гемуэзцы, кои во сто крат искуснее нас в грабежах склепов. А тут – порох! Видели бы вы циклопическую кладку стен, удерживающую гигантский сферический купол, коего нигде в мире нет. Невольно заставляет она припоминать легенды о великанах, ибо человеку сложить сие без механизмов немислимо.

Далее я услышал немало лестных слов о бывшем начальнике керченской таможни, а ныне смотрителе соляных озёр Павле Дебрюксе, положившем бездну труда на открытие Пантикапеи и её акрополиса. Мне пришлось вслух искренне пожалеть, что немного я знаю об этом археологе по призванию. Он лишь посетовал, что то не диво, и не только с ним, ведь мало кто имеет средства издавать собственные труды, зато Дебрюкс в минувшем году осчастливил собрание в Керчи своей богатой коллекцией.

– Но как вам удаётся управляться с двумя музеями, разнесёнными столь далеко по побережью? – спросил я, нимало не преувеличивая своего искреннего восхищения.

– О, нет, – опроверг он, – в Кеммерийский Боспор по возрасту я уже ни ногой, туда готовлю преемника, представлю вам: Антон Ашик, талантливый серб, из купцов, может пригодиться. Я же сосредоточился на окрестностях Одессы, да и они чересчур обширны для старика. Сейчас, например, следую из имения князя Прозоровского.

Я поперхнулся и закашлялся, скрыв таким способом своё недоуменное негодование. Вот незадача! Выходило, Прозоровский вёл двойную партию. Пригласив учёных из столиц, он одновременно прибег к помощи находившихся поблизости, по всему выходило, что составил письма он одновременно, то есть не делал различия ни для кого. Я оказался в двух днях пути только лишь по случаю, депеша, сделав крюк до Москвы, нагнала меня с курьером, но вот Благрамберг уже успел не только прибыть к князю, но и отбыть от него, вероятно, проведя в имении не один день, и отбыть, полагал я, не с пустыми руками. Стоит ли говорить, что мою

мнительную не по годам персону, уважавшую усилия туземных учёных, но принадлежавшую к академическим школам и воззрениям, не мог не задеть сей факт.

Я открылся Бларамбергу в целях своего маршрута. Иван Павлович поразмыслил, оторвавшись от спинки своей лавки, и медленно склонился к спинке только что поданного судака, запечённого с грибами и апельсинами, роскошью убранства более напоминавшего китайский сервиз династии Мин, нежели еду.

– Я не рекомендую вам выезжать до четырёх, в самый зной. И сам не двинусь, – изрёк он твёрдо. – Впрочем... мой вам дружеский совет, Алексей Петрович, или, если угодно, рекомендация старшего коллеги, – глаза его сощурились, будто бы он ранее прочитал мои неучтываемые мысли, – позвольте? Поезжайте спокойно в Одессу, а после в Палестину. Какая редкая возможность помолиться за всех нас, грешных. Если угодно, я с радостью предоставлю вам место в своём экипаже.

Чтобы успеть обдумать, как мягче отказать Бларамбергу, я спросил, не боится ли его кучер местных легенд об этих землях. Но тот спокойно ответил, что возницей у него – новый солдат из гарнизона, которого, верно, не успели ещё настрашать, да и потом – до мифов ли рекруту на вольных просторах, где так и сяк милее, чем в казармах.

– А есть ли, в самом деле, чего опасаться? – попытался я увести разговор в своё русло. Вправду ли я хотел тогда знать это – вряд ли. Интересовали меня не предания давно погибших народов, а лишь извлечённые из земли предметы, могшие стать свидетелями жизни и быта ещё не открытых доселе царств.

Но Бларамберг не отмахнулся от такого вопроса, и как-то недобро посмотрел на меня, чуть замешкался, но не нашёл возможности скрывать:

– Имеется.

Он замолчал; не говорил ничего, и я, ожидая продолжения, которого всё не следовало. Я воспринял это как невежливость.

– Увы, Иван Павлович, – пришлось тогда отказаться мне от его предложения повернуть на Одессу, – я связан обязательствами перед Обществом.

– Но Общество ничем не связано с Его Сиятельством. Вы впустую потратите время.

От моих ушей не укрылся некоторый сарказм, когда он произносил титул князя.

– А вы – что там нашли? – прямо спросил я, собравшись духом.

– Для себя ничего замечательного, – незамедлительно ответил он. – Князь, представьте, вздумал осушить болото, от чего его многие отговаривали, апеллируя помимо прочих к причинам... м-м-метафизическим.

– Нечисть? – попробовал уточнить я, не сдерживая улыбки, но собеседник сделал вид, что не расслышал или в самом деле не понял.

– ...Обнаружил некие кости, осмелюсь полагать, допотопных... существ. Впрочем, ещё кое-какие реликвии, камни... незначительного свойства, но для меня интереса там нет. Ещё к тому же не всё осушено. По топям покуда и ходить невозможно.

Настойчивость, с которой он твердил о своём равнодушии к находкам, только вызвала во мне лишний приступ подозрительности и утвердила в решении ехать дальше.

– Вы полагаете преждевременным направлять экспедицию? – всё же спросил я.

– Дамба вызывает недоумение. Не хотите ли угробить людей? – Он подался ко мне, разведя руки, но, должно быть, не обнаружил во мне ожидаемого сочувствия своим аргументам. – А ведь и сам князь – персона, не самая приятная в обращении. Во всём желает первенствовать, а чуть что не по нутру, так берегись, услышишь о себе скоро много нового.

Я пытался уличить его в неискренности, но выражение лица на сей раз не отличалось от обыкновенного.

– Что ж, благодарен вам за предостережение, Иван Павлович, но я исполню свой долг и – мигом в Одессу. С князем делить мне нечего. Бог даст, ещё свидимся.

Он пожал плечами.

В это же время в дверях появилась рязанская голова его кучера, сообщившая, что некто прибыл к нему и ждёт снаружи. Солдат так неуклюже подал сюртук, что Бларамберг, не попав в рукава, как был в жилетке, с извинениями оставил меня.

Ко мне подошёл Прохор, уже сытый, и околавившийся всё время неподалёку, но выдерживая изрядную дистанцию, дабы не прослыть невежей.

– Пора бы отправляться, – сказал он, поглаживая куцую бородку вдоль щёк. – Неровен час, чёрная буря грядёт, не доедем до постоя-то.

– С чего ты взял про бурю?

– По небу видно-с. Сейчас ещё успеем.

– Душно больно, ты запрягай к четырёх, – велел я, опрометчиво положившись на совет Бларамберга. Прохор недовольно промычал что-то под нос, выходя вон.

Резкий баритон со двора заставил меня взглянуть в окно, где увидел я интересную сценку. Иван Павлович беседовал с каким-то спешившимся всадником, стоявшим ко мне спиной, и которому принадлежал тот зычный голос, что-то отрывисто твердивший. Он доставал из седельной сумки явно старинные предметы и показывал директору музея. Тот осматривал их, не принимая в руки, и коротко отвечал, качая головой. Торговец, а у меня не возникло и тени сомнения, что речь шла о некоей не вполне честной сделке, жестами и тоном выражал нетерпение и недовольство, но Бларамберг оставался невозмутим, как часовой. Это стало мне любопытно до чрезвычайности, и я напряг слух насколько мог, но большую часть слов в поспешной речи незнакомца разобрать так и не сумел.

Я ожидал, что Иван Павлович сам даст какие-либо разъяснения, но он вернулся совершенно спокойный к столу и лишь вознёс бокал. Я поведал ему об опасениях по поводу бури.

– Мужики, оно, конечно, видней, – ответил Бларамберг, и тем совершенно поставил меня в тупик.

– Как же это понимать?

– А так. Мужик вам говорит, в который час ехать, а я советую: вовсе не ехать. Вот и понимайте, будет ли на вас буря, если не поедете.

Слова эти насторожили меня пуще прежних, казалось, коллекционер нарочно не желает, чтобы я даже приближался к месту интригующих находок. К месту, где я, без году неделя учёный, мог совершить своё первое самостоятельное открытие!

– Я почти не слышал о работах князя...

– Он не почитает за честь публиковать их.

– Откуда же вам известно о его приоритетах?

– Делает доклады, выступает с лекциями, его коллекция антиков весьма завидна. – Иван Павлович протянул мне какую-то книгу. – Вот, не соизволите принять в подарок?

– «Antiquites», – прочитал я, – но это же книга господина Стемпковского! Что в ней?

– Я не читал неимением времени, но с ним некоторым образом соавторствовал Прозоровский, предоставив материалы из своего собрания. Вам может стать полезной. Сам же князь готовит нечто великое!

Иван Павлович усмехнулся, разводя руки, и жестом сим высказал более, нежели словами. Разумеется, я не поверил, что лишь отсутствие времени стало помехой на пути к знакомству с чужим трудом. Скорее ревность учёного мужа подарила мне сей экземпляр. Я поблагодарил, про себя недоумевая, и наблюдая в окно, как загадочный верховой, приняв от трактирщика лишь бурдюк с водой и узелок провианта, седлал свежую лошадь, и вскоре топот копыт и пыль известили, что он умчал в направлении, откуда я сам только что прибыл.

– А ехать-таки можно бы, – тихо подобравшись сзади, сказал мой ямщик, – вон, нарочный помолотил, гляди, как пыль кружится. Быть буре, я те верно говорю. И кони уж запряжены.

В руке он держал большую крынку, полную солёных огурцов.

Подали самовар. Я ещё немного посидел за столом, размышляя под пространные рассуждения Бларамберга о признании его трудов за границей, стоит ли всё-таки последовать совету Прохора. Разговор не складывался, отчасти потому, что я не чувствовал себя способным поддерживать его суть, а отчасти из-за того, что мне казалось, будто Иван Павлович нарочно увиливал от ответа на мой прямой вопрос. Покончив со второй чашкой, я наспех простился, рассчитался, вышел и кликнул Прохора.

Кучер садился уже на козлы, когда из дверей прямо к нам шагнул Бларамберг и положил свои руки на край повозки, словно бы пытаюсь удержать меня вместе с ней.

– Пойдите, Алексей Петрович, не сердчайте на меня, я лишь пытался испытать вас в твёрдости намерений, и рад, что вы человек долга и совести. Что же до легенд... – он коротко оглянулся, и тихая его скороговорка будто бы заговорила не о деле, а о боязни, что не успею я его выслушать, – да, тут ходит миф о последней битве, которая некогда произошла здесь. Говорят, потому эти земли всегда являли место раздора племён и империй, что некая сила восставала на людей, какому бы роду те ни принадлежали, мол, прокляты земли сии до неких пор. Так вот, со своей стороны хочу подтвердить истинность этого предания... до известной степени, конечно... к сожалению, у меня не достаёт сугубо научных аргументов... да, и, признаюсь, не это входит в мои... я не питаю любопытства к сему вопросу.

Я разложил свои вещи, и теперь только взглянул на него. Ответный взор этого почтенных лет человека поразил меня юношеской горячностью:

– Может, и не в прямом смысле, но земли в округе в самом деле опасны! Понимайте это хоть аллегорически, хоть прямо, в значении грунта и минералов. Не послушав моего совета, вы рискуете надолго утратить душевный покой.

– Не в мои годы грезить о душевном покое, Иван Павлович... – попытался я улыбнуться.

– Вы не понимаете, – зашептал он страстно, видя, что переубедить меня не удаётся, – хотя бы обождите немного, ведь ни за грош пропадёте! Вы – случайный человек, оказавшийся тут проездом... проезжайте же! Послушайте старика. Думаете, в земле только черепки да монетки сокрыты? Думаете, профессора потому вазами да статуями занимаются, что глупы и недалёковидны? Да нет же! Напротив, потому что догадываются, на что можно наткнуться! Не на что вам у князя смотреть. Я пока в точности не знаю, что там, но дело вовсе нешуточное. И сам я, если хотите правду, не еду оттуда – бегу!

– Всё ж, вы ведь там гостили – и прекрасно выглядите, – похвалил я.

Он покосился на возницу, но Прохор будто нарочно хрустел своими огурцами, словно желая показать, что уши его не внемлют нашему странному разговору.

– Снаружи – да, но вы не подозреваете, что творится у меня на душе. Конечно, сейчас не времена преподобного Иосифа, и нам, образованным людям, не пристало опасаться каббалистов и чернокнижников, но изысканиями князя заинтересовались в верхах. – Он со значением поднял палец. – И интерес этот не сулит ему ничего доброго.

– Так что же, граф Воронцов – верит в колдовство?

– Перестаньте, – поморщился он, – ведь вы не только учёный, но и чин имеете. Такие дела по инстанциям не ходят. Доклад уже поступил – государю! И ответ не замедлит. Не желаете внять иным аргументам – прислушайтесь хоть к этому. Начинать карьеру с подобных сомнительных сношений...

– Ничего скрытного или порочного в моих действиях нет, – поспешил прервать я его речь, ибо уже боялся усомниться в собственной решимости. – И я не намерен задерживаться далее крайней необходимости.

Он вздохнул и, опустив голову, отступился.

– В таком случае, господин Рытин, желаю вам преуспеть в разгадках страшных тайн... И, вот ещё что, – почти шёпотом промолвил он, – не доверяйте там никому. Кроме, пожалуй... –

он запнулся, окинув меня исподлобья колким взглядом. – Впрочем, нет, лучше – никому. Ну, с Богом! Пошёл! – крикнул он ямщику, ударив ладонью повозку.

Я ощущал досаду и обиду. Со мной обращались как с мальчишкой, играли, водили за нос. Многое знать, намекать и недоговаривать, брать свои слова назад – стерпеть такое моя гордость не могла и от людей близких, и если бы не безмерное уважение к заслугам этого человека, не избежал бы он резкой тирады, порождённой обманчивым омутом моего самолюбия. Что ж, пусть же моё холодное небрежение послужит если и не к удовлетворению моему, то хотя бы к разочарованию этого заносчивого собеседника.

– А хорош гусь этот Иван Павлович, – завёл Прохор, едва отъехали мы от трактира полверсты.

– Что же ты имеешь к нему?

– Промурыжил вас битый час, вот, помяни моё слово, попадём в передрагу из-за него! – недовольно рассуждал он. – А и скупой же, как все немцы. Этот-то ему какой-то скарб предлагал из могил, а тот нос воротил, мол, поезжай в Одессу, в музей, там тебе оценят. Уж тот и так и сяк цену сбивал – не идёт немец.

– Вот он, кажется, в Одессу-то и поскакал, – предположил я.

– Вестимо-с, все они в Одессу, одни мы в ненастье.

– А ты, выходит, подслушивал, а теперь давай наушничать, – съязвил я, забыв о том, как подглядывал сам.

– С моего места, где я лошадей впрягал-с, не только слышал, но и видел все! – довольно сообщил Прохор. – Что ж мне, глаза в карман сложить?

– И как же он тут господина Бларамберга нашёл?

– Известно-с! Он – Прозоровского человек. И твой немец – тоже оттуда прибыл. Видать, там не сговорились, так он и прискакал сюда, дорога-то одна, не собьёшься. Этот-то казак, слышь, украл всё у твоего князя.

– Ты почём знаешь?

– Ума много не надо-с, – чинно ответил Прохор, и принялся доказывать обратное. – Так скакать можно, только когда шапка горит. И цену он сам у себя сбивал, что цыган. Так сбивают, когда досталось даром. И, видал, какой прыткий, даже закусить не сел, хотя человек на вид степенный.

– Может, гонятся за ним, вот он и спешит.

– Черти из ада за ним шпартят. А князю гнаться не с руки-с, он за сто вёрст сглазит.

– Тьфу тебя, Прохор! Господин Бларамберг не это имел, говоря о Прозоровском.

– Да уж сглазил, видно, – не унимался тот. – Слыхал, как надрывался? И немцу руки не подал.

– Захворал, оттого и не приветил. Известно, что хворь передаётся через касание.

Прохор обернулся едва не всем телом, вынул из-за пазухи какую-то тряпицу и кинул мне:

– Держи покуда-с...

– Что это? – я чуть брезгливо развернул на коленях увесистый предмет.

– Вор оборонил. Важная вещь. Что скажешь?

Тяжёлая, почти квадратная табличка из шершавого минерала напоминала какую-то скрижаль. Знаки с одной из её сторон были мне хорошо знакомы, являясь древнееврейскими письменами, но самого языка я не знал.

– Не ведаю, забери, – завернул я снова. – С чего ты взял, что важная?

– Оставь. Почто она мне? Вор немцу всё подряд торговал, да только не это. Ясно, себе взять хотел или кому другому обещал.

– Что ж ты не отдал?

– А пошто ему... Слушай: сажа у него на руках, вот что. Спешит – да не доедет в Одессу, кончится по дороге... вернуться будем – новую сказку услышим. А вещицу князю отдашь, он обрадуется, глядишь – добрее станет. – Ямщик шмыгнул носом, облизнул губы и упрямо повторил, растягивая слова: – Ва-ажная вещь!

За неимением других впечатлений на скучной ровной дороге, я принялся размышлять о последнем напутствии Бларамберга, словно камешки перебирая в уме слова о неведомой последней битве, и сравнивал с тем, что знал об этих краях. Со времён легендарных скифов на обширных пространствах сих не возникло ни единого царства, ни одного осевшего надолго племени. Много их проносилось по этим степям, но все исчезли, оставив лишь развалины да курганы. Да и о скифах разве известно стало более, нежели давным-давно сказал Геродот? Породив несметное множество предметов материальных, они забыли оставить слова своей истории, не переняв письменности от развитых народов.

Камень, подобранный Прохором, сразу заинтересовал меня, хоть я и не подал вида, чтобы не дать ему понять, что я у него в долгу. Нет, не вес его и необычный состав с золотистыми вкраплениями привлекли моё внимание: никаких древнееврейских эпитафий в наших землях доселе не обнаруживали, и неожиданно стать если и не первооткрывателем, так хотя бы первым исследователем такой находки льстило моему самолюбию. Вот бы и в самом деле показать Бларамбергу. «Камни незначительного свойства» – усмехнулся я про себя, припомнив его слова. Меня не проведёшь... Так что ж? Не поздно и вернуться, он, должно быть, ещё на станции, да и небо впереди чернеет... Да будет! От Прозоровского ехать мне в Одессу, почему бы тогда и не справиться у Ивана Павловича насчёт находки? И уж пускай сначала позавидует, думая, что откопал её я, а после советует, что делать дальше.

Однако доселе не доводилось мне брать чужого. Единственное, что хоть как-то успокаивало мою совесть, так это уверенность, что и прошлые хозяева не оформляли у стряпчих сей предмет. В том, что он найден в раскопках у Прозоровского, я уже сомневался, а, вернее сказать, только хотел сомневаться. Смогу ли тогда я оставить пока таинственную табличку у себя?

3. Ведун

Так рассуждал бы я на всём пути до следующего постоя, если бы спустя час в самом деле не разыгралась такая страшная пыльная буря, что мы принуждены были укрыться в мелком овражке, и только молитвы к святителю Николаю, да вода, которой мы смачивали платки и одежду, чтобы иметь возможность дышать, спасли нас от неминуемой гибели в вихрях разбушевавшихся песков.

К ночи всё кончилось, лошадей и повозки нигде не виднелось, но небо расчистилось и мы, перхая и кашляя, нашли себя в темноте, под светом звёзд, совершенно измождёнными и не ведающими пути.

Вскоре спасение уже перестало видаться нам совершенно счастливым исходом, ибо холод, сменяющий в степях жару с быстротою хищника, начал пробираться под нашу одежду, что особенно подчеркнул спустя час пронзительный блеск взошедшей Луны. Тёплое своё обмундирование я неосмотрительно оставил с прочим багажом в обозе на заботливое попечение ворчливого своего слуги, плед пропал с конями, из вещей остался у меня лишь несессер с ненужными (пардон за неудобоваримое сочетание) в такую пору предметами (упомяну тут, увы, и императорскую депешу) и теперь мучился под вздохами ямщика, не роптавшего, впрочем, более некоторого приличия:

– А говорил я про бурю. И про земли, которые с людьми шутят-с.

– Не съели ж. Буря и буря. Таких в наших краях, да ещё со снегом, много переживали.

– Переживали-с! Так ведь ещё и не утро покуда. Поди, ещё околеем ни за грош, – проворчал он. – Видал знамение? И цвет – что кровь!

Усмехнувшись, я рассказал чудаку, который сам-то, похоже, навряд ли доверял суевериям, что наблюдает он не что иное, как соединение двух планет, Луны и Марса, который лишь оттого так ярок, что находится в противостоянии к Земле – явление нечастое и красивое, которым стоит любоваться, но никак не опасаться. И что совершенно такое же действие небеса явили за четыре ночи до того, но с участием колоссального Юпитера.

– На, держи свой целковый. Один из нас хвалился, что у него до Киева все стёжки приятели, – подзадорил я его. – Вот скажи лучше, куда лошади твои запропалились?

– Шутить! Кабы б мои, так тут стояли б! А то к жилью подались, или на станцию. Испугались, пока мы в канаве пыль глотали. О них забудь, найдутся. Гляди, как бы самим не пропасть. А то ведь и утро не спасёт, коли дороги не сыщем.

Однако равнина стала прекрасно освещена, и мы, отбрасывая гигантские тени до самого горизонта, смогли тронуться в поисках какого-либо пристанища. Дороги никакой не проглядывалось, пыль сровняла все виды до полного единообразия гренадерского полка на великокняжеском смотре, но движения согрели нас. Природа степенно возвращалась к своему обыкновенному состоянию, и вскоре нас окружали стрёкот южных цикад и искры мечущихся светляков. Извиваясь, Скорпион, словно из преисподней тянул к Арктуру свою ядовитую клешню, подмигивая злым пламенем рдеющего зрачка Антареса; в ответ тот посылал ему навстречу ответный огонь оранжевых сполохов, но Млечный Путь ещё растворялся в мелкой пыли, медленно оседавшей с небес на сюртуки застигнутых врасплох путников. Ямщик, как и вылезшие на охоту ночные мотыльки, иногда ударявшие в лицо мохнатыми крыльями, ориентировался по ночному фонарю, украшенному причудливым ликом Каина, и ещё более полагаясь на собственные заключения, вёл меня несколько вёрст, пока не повстречался нам одинокий хутор.

– Место дурной репутации-с, – сказал возница уныло, – вывел нечистый аккурат на чёртову дачу.

– У вас тут иных и не сыщешь, – проворчал я, невольно озираясь. – По тебе судить, так одно другого хуже. Чего недоброго в этой лачуге?

– Здешний ведун живёт.

– Нехристь?

– Я с ним чад не крестил, – набычась, отвечал ямщик.

Неказистой и приземистой смотрелась та хибара в расплескавшемся по окрестностям мертвенном свете. Да делать нечего, ночевать под звёздами, слушая подвывания неизвестных зверей, решительно не хотелось.

Вдвоём мы постучали в добротную, ладно пригнанную дверь. Не успел отвести я кулака, как старик неизвестных кровей, с лампой перед лицом беззвучно возник из-за угла хижины, будто сторожил наше появление, и от неожиданности я отшатнулся.

Мы помолчали, я, в ожидании представления со стороны Прохора, он, думая, что мне, как благородному, более будет почёта от хозяина. Вследствие этого заговорил старик, да и то не отличился многословием:

– Ну, что стоять!..

Он бесшумно ступил на крыльцо над ушедшей в землю подклетью, отворил дверь и последовал вперёд, мы, скрипя досками, вошли следом.

Вот-те раз! – мелькнуло в голове моей. Новоиспечённый учёный муж из столицы и, поди ж ты, кто бы мог подумать, что придётся в первой же экспедиции вляпаться в приключения такого курьёзного, если не сказать компрометирующего свойства.

Я взялся объяснить, кто мы такие, и откуда прибыли в неурочный час, но он объявил, что знает обо всём не хуже нас самих. Назвав нас поимённо Алексеем и Прохором, он чрез меру удивил меня, но я усилием не подал вида.

– Как изволите величать вас? – вежливо, но твёрдо спросил я.

– Ложитесь вон, – он посветил в угол, где на полу валялись какие-то тюфяки, словно ожидавшие постояльцев, – знамо, натерпелись в бурю, а на меня не смотрите, я по ночам не сплю.

Ах, вот ты каков! – разозлился я, но сдержал гнев, лишь постановив себе боле не строить церемоний с тем, кто себя не именует вовсе никак.

Многое хотелось мне расспросить, но возобладали насущные потребности, и я только потребовал умыться. Он, зыркнув, снова отвёл нас на двор, где мы вдоволь поплескались у бочки, избавляя лица и руки от тонкой солёной пыли. Мне не давала покоя мысль, откуда он может знать моё имя, и я дал себе слово выведать это скорее.

– Знаком ты с ним? Откуда он тебя знает? – вполголоса спросил я Прохора.

– А-а, не складывается Марс с Луной! – злорадно бросил тот и после минутного недовольного фырканья глухо отрезал, не слишком желая вдаваться в подробности. – Бывает. Тебя не знают – ты знаешь, ты помнишь – тебя не узнают. А тем паче – ведун он. Дело тёмное.

Небольшое облако, словно желая утвердить правоту его слов, напоззло на ночное светило, прогнав крохи света в степь.

– Всему имеется объяснение, – недовольно проворчал я. – Просто в цепочке рассуждений недостаёт некоторых звеньев. А когда нет сведений, всё видится в мистическом духе.

Прохор повернулся и, кажется, несколько секунд глядел на меня, стряхивая капли с рук.

– Верно. Слыхал. Все учёные. Знаешь, какая загадка труднее всего отгадывается? – вдруг спросил он и сам же дал ответ. – Та, в которой много лишнего. Почему Солнца нет? – указал он на небо. – Затмение причиной, или тучи? Э-э!.. Да просто – ночь. Утро, как говорится, вечера мудренее.

– Ну вот, ты тоже ищешь ответы, только по-своему, – едкое остроумие его мне решительно нравилось, хотя и задевало моё самолюбие.

– А, между нами, тебя же предупреждал немец: не ездь, не бери душу. Только вот попомни: не всегда надо доискиваться до исподнего. Иногда разгадка ещё хуже загадки. А с этим ведуном – молчи лучше. До утра заночуем – и дёру.

Я невольно вздрогнул: хозяин стоял от нас в двух шагах. Умело повёрнутый фонарь по-прежнему скрывал его лицо. «И давно он так подслушивал, или только что из-под земли вырос?» – подумал я, и сказал, плохо скрывая злость и уперев глаза во тьму, где полагалось бы находиться зрачкам старика:

– Мы с товарищем беседовали о Священном Писании, именно – рассуждения наши вражались вокруг книги Бытия, где сказано об опасности срывать плоды с древа познания.

Ведун тем временем заварил нам трав, о чём и сообщил, не ответив никак на мои слова. Сделав лишь несколько глотков горячего настоя, я ощутил покой и блаженство, глаза сами закрылись, и сон сморил меня глухой и мирной теплотой.

Я, мне казалось, просыпался. Старик всё время сидел за столом и что-то изучал, шевеля губами. Чудилось, что видел я и Прохора. Но голова обременяла меня трёхпудовой гирей, и всякий раз, порываясь встать, я только глубже проваливался в тягучую трясиину дрёмы. Последний раз мне привиделось, как ведун встал, завернул что-то в тряпицу, и вышел.

Когда я очнулся, окно маленькой горницы уже брезжило слабым рассветом, я потянулся, размял члены и осмотрел себя. Вид оставлял желать лучшего, представляться в таком обличье семейству князя было бы верхом нелепости, но поделать я ничего не мог.

Поискав глазами образа, и не найдя красного угла, я помолился на перекрестье светлого оконного пятна, полагая его обращённым к востоку, переступил через храпевшего ещё ямщика и собрался выйти из дому, как взгляд мой упал на стол, за которым, как мне смутно помнилось, оставался сидеть хозяин в свете дрожащей лучины, когда меня сморил Морфей...

Там лежала украденная у князя вещица с неведомыми письменами!

Я разом испытал облегчение и досаду. Всё разрешалось просто: лошади, повинувшись природному чутью, сами пригнали повозку с нашими пожитками к ближайшему жилищу, от того старик, прочитав документы или предписания, и ведал моё имя. «Невеликий ты прозорливец», – усмехнулся я про себя, садясь за стол. Покрутив так и сяк сей рукотворный предмет, я, опасаясь как бы и в другой раз не лишиться его, решил тут же сделать копию в свой походный дневник.

Для этого использовал я простой способ, исключавший всякую возможность ошибки. Выдрав лист, и плотно приложив его к ровной плоскости, на которой оставила глубокие борозды рука неведомого резчика, я быстрыми движениями грифеля заштриховал поверхность, и на бумаге проступили чёткие очертания знаков.

Едва лишь я кончил и убрал зарисовки, как старик бесшумно возник сзади, чем заставил меня невольно подскочить, как нерадивого ученика, которого учитель застал за курением. Камень уже лежал в моём кармане, но руку я ещё только извлекал оттуда, и старик, не скрываясь, следил за её движением. Вид его, в новой чистой рубахе, подпоясанной не по-мужицки, напоминал скорее мелкого купца, чем крестьянина.

Несколько времени смотрели мы друг другу в глаза, словно бы определяя, кто из нас и о чём уже догадался без слов, после же он, отведя взор в сторону очнувшегося ямщика, вымолвил:

– Лошадей твоих я напоил и пустил пастись.

Прохор, не помня себя от радости, бросился вон.

– Сундучок твой там, в сенях, – едва прошевелил он губами в глубине седых усов.

Я кивнул. Неприязнь моя к нему грозила обернуться ненавистью. Ясно чувствовалось в нём нечто, чего я не мог постичь. Все минувшие события начали казаться мне частью его промысла, в котором я не имел самостоятельной роли, а лишь следовал позади событий. Более всего обижало меня то, что я, даже сознавая это, не в силах был что-либо изменить.

– Ведун, значит, – хмыкнул я зло, потому что едва мог стерпеть мысль, как он перебирал мои вещи. – А кроме моих дел, что знаешь?

– Спрашивай, – ответил он, не успев я кончить вопрос.

– Что скажешь про последнюю битву?

– Шла здесь, – он опустил голову с гладко прибранной шевелюрой, и хмыкнул, задержав взгляд на пустом столе.

То, как, не переспрашивая, не замедлил он с ответом, и после многозначительно замолчал, ещё более смутило меня.

– В Писании говорится, что битве при Армагеддоне ещё предстоит случиться, пред концом света.

– Ты учёный, – усмехнулся он в бороду, – тебе видней. Вон – книгу Бытия читал.

– Почему же её назвали последней? – пропустил я его насмешку.

– Больше уж, верно, не с кем биться стало, – ответил он, не отрывая глаз от стола.

– Но с тех пор... – начал я, но он прервал меня:

– Отдай, – сказал он тихо, но внятно.

– Почему же я должен отдать? – едва удержался я, чтобы не хватить его этим камнем.

– Верну на место.

– Я сам верну Прозоровскому, коли это его вещь. Прохор! – громко распорядился я в окно, показывая, что спор окончен. – Подай, любезный, мой саквояж.

– Он – не хозяин, – отвечал знахарь всё так же глядя в стол.

– Уж не ты ли хозяин?

– Не то спрашиваешь.

– Чего же тебе, мужик, надо?! – зло воскликнул я.

Он, наконец, оторвал взгляд от доски и перевёл его на меня. Признаюсь, мне стало несколько не по себе от свирепой ярости будто метнувшихся в меня молний, но я стерпел.

– Я – наследник. – Голос его был спокоен, даже равнодушен, но за этим крылось кипение пылких страстей.

– Ну, раз ты наследник, то должен знать, что это. Скажешь – отдам.

– Проклятье, чтоб тебе не жить!

Признаюсь, пожалел я, что нету со мной нагайки.

– Будь ты дворянин – сейчас бы уже посылал за секундантом, а крепостным – выпороли бы нещадно, хоть ты и старик.

Он словно вырос, твёрдый надменный взгляд его упёрся в меня, но я ответил тем же. Однако манерой держать себя он мог сравниться и с полковником, уже досадовал я о своей речи. Я уж вознамерился убрать вещицу в саквояж, как увидел в нём ещё один камень, похожий на тот, что держал сейчас в руке.

– Отдай же, – старик протянул руку, и я покорно вложил в неё его камень.

В самом деле, на моём экземпляре имелся скол, а этот обладал совершенно правильной формой. Но тогда выходило, что я рисовал знаки с чужого?

– Ладно, – смягчился я, и вытащил свой, раз уж скрывать что-то от хозяина не имело смысла. – Что тут сказано?

– Буквами много не прочтёшь, – упрямо ответил Ведун, отступая в свой угол. – А камень трижды за три дня видел. На нём скорбь.

– Он тоже – твоё наследство?

Ответил он кивком, после добавил:

– Поедешь своим путём – верни добытчику. Поплывёшь морем – брось его.

– Что ж ты не просишь тебе отдать, а велишь выкинуть?

– Ты не отдашь. Но выкинешь. Пусть трепещут под водами.

«Чтоб тебе, чёртов оракул!» – чуть не воскликнул я, ощущая духоту и порыв быстрее покинуть этот hermitage terrible.

– В какую сторону мне отсюда ехать? Я должен быть у князя Прозоровского, – спросил я, чтобы моё отступление не выглядело позорным бегством.

Старик же снова ответил вовсе про другое.

– Поедешь дальше – случится беде. Вернёшься – будешь жалеть, что не доехал.

– Жив-то хоть останусь? – горько усмехнулся я.

– Если не станешь глубоко рыть, – рявкнул он, сверкнув глазами и в его усах заметил я ухмылку. – Теперь ступай, тебе тут не место.

– Как и иконам? – спросил я с суровостью в голосе, не желая оставлять за своим противником последнего слова.

Он прищурился с какой-то особенной злобой.

– Так ты в Синод напиши, – услышал я ворчание от крепкой медвежьей спины; он удалялся уже. – Заодно спроси в Библейском Обществе: отчего же Бог не убьёт сатану?

Проخور аж крякнул с досады, стегнув коней, и долго ещё пыхтел себе под нос укори́зны в адрес всех уже встреченных нами и будущих персон. Впрочем, неожиданно вновь обретенные им огурцы несколько скрасили ленивый его быт на козлах. Покончив с ними и напившись, он начал с другим аппетитом:

– А то ещё история: помер у князя работник. Чёрным кашлем изошёл. – Не дождавшись от меня вопроса, объяснил сам: – Харкал чёрной мокротой. Пока все кишки не выплюнул. Думали, чума. Ан, нет, только он один и помер. И месяца не прошло ещё, да. Сразу вспомнили про такой же случай при старом князе. Слуга его неделю мучился, сажу с кожи отдирали, кашлял так – глаза руками держал, чтоб не вылезли. И тоже, конечно, помер. Говорили, сунул нос, куда не звали. Князь его и заговорил. Чернокнижник, ему человека сжить, что мне огурец сжевать. Так-то-с! – заключил он строго, словно осинový кол вбил.

Весь путь до последнего перед именем князя постоялого двора провёл я в самом хмуром расположении духа, размышляя о судьбе и о свободе воли, согласно которой я, несмотря ни на что, двигаюсь по раз избранному пути.

Ни сытный обед, ни солёные байки ямщика, ни даже купальня, которую я приказал натопить и в коей с наслаждением предался мытью и катанию, не могли до конца развеять сомнений, кем избран путь тот – моим ли разумом, или юношеской гордыней, безжалостно овладевшей этим слабым инструментом познания.

4. Художник

Когда приведя себя в порядок, вышел я к самовару, ко мне обратился с просьбой староста, сморщенный всегдашней усталостью пожилой человек с серым заискивающим лицом и остатками выправки, выдававшими отставного солдата. У него недоставало лошадей, а здесь маялся с вечера один проезжий, также направлявшийся к князю. Старшина спрашивал, не соблаговолю ли я взять его в попутчики? Я вслух удивился тому, что, кого бы ни встретил на пути, все ехали или к Прозоровскому или от него.

– Что ж за диво, – развёл руками он, – тут вокруг только и земель, что Его Сиятельства, куда же ещё им ехать.

За дощатым столом в углу сосредоточенно читал поухлую книгу юноша, чьи печальные глаза и убранные по-европейски длинные волосы сразу почему-то расположили меня к нему, и я дал согласие. Чем биться в одиночестве со своими сомнениями, не лучше ли скоротать время в пути, общаясь с образованным сверстником, решил я и, усилием подавив высокомерие, велел нас представить.

Молодого человека звали Владимир Андреевич Артамонов, он отрекомендовался художником и, обрадовавшись оказии, за чаем рассказывал мне:

– Два года я посещал занятия как своекоштный вольнослушатель в Петербургской Академии Художеств. Мог получить и чин десятого класса, да предпочёл совершенствоваться в своём мастерстве, отбыв стажироваться в Рим и Флоренцию, где сам Кипренский был моим чичероне по древнему граду. А теперь уж два месяца в пути. Притом, заметьте, путешествие из Венеции через свободную Грецию с пленэрами в Акрополе отняло у меня шесть недель, а по прибытию в Одессу уж без малого две. То прогонные не так выписали, то лошадей нет, то ступица сломалась. А вы – коллежский асессор, как мне сказали? Высоко. Удобно. Коней по чинам скорее дают. Признаюсь, не призови меня Их Сиятельство спешно на родину, сейчас малевал бы тосканские пейзажи. Так что ныне держу путь к благодетелю моему, князю Александру Николаевичу, коему всецело обязан своим образованием и положением.

С трудом догадался я, что так выделяло его внешность. Не лоск модной одежды, редкой у нас в эпоху кокард и мундиров, ни ухоженность рук и даже не цвет лица, по отсутствию землистого оттенка в котором так легко опознать иностранца в Петербурге – приветливый вид, вежливая осанка, взгляд неробкий, истекавший из ясных зелёных глаз облагораживал собой его манеры и жесты, заставляя меня только завидовать.

Признаюсь, не уловил я, с презрительной ли иронией выразился он относительно моего чина или вполне всерьёз. Одну секунду даже хотелось мне вспылить, мол, не за званиями шёл я в Университет, и что положение моё в табели о рангах – заслуга сугубо личная и редкая для недавнего выпускника, но только вежливо поинтересовался, чьи шедевры везёт новый знакомый – купленные или... итальянские.

– Холсты мои, – улыбнулся он, похлопав тяжёлый медный тубус. – А что до книг, в основном французских, их князь выписал, я лишь своего рода почтальон. – «Га-Багир», – пояснил он, лоя мой взгляд на открытом титуле лежавшей на столе книги.

– Это – «Багир»?! – воскликнул я, будто ужаленный. Никогда не доводилось мне держать в руках сих едва ли не запретных сочинений.

– Вы удивлены, что я в состоянии читать сей источник? Полно вам, это всего лишь изложение для неофитов, и, – понизил он голос до доверительного шёпота, – боюсь, не вполне умелое. Князю же везу один из старинных рукописных списков оригинала и берлинское издание тысяча семьсот шестого года. Мне же он настоятельно рекомендовал до приезда ознакомиться, да я пошёл путём незатейливым, как видите.

– Это же, кажется, каббалистическое сочинение? – вскинул я брови, и сразу позабыл о нашей пикировке, зато припомнил слова Бларамберга и почему-то всё, связанное с чёрными ритуалами, описанными в «Северной Пчеле». – Так князь и вправду каббалист?

Художник неопределённо повёл плечами. После раздумий, уже в повозке, вывел:

– Князь имеет репутацию человека со странностями. Их некогда обширный и влиятельный род угасает, он последний прямой наследник мужской линии. Говорят, что некое проклятье тянется за ними с незапамятных времён. Князя Ивана, в бытность воеводой Астрахани, самолично сбросил с башни атаман Стенька Разин. А сына его лет восьми повесили за ноги.

– Читал про то, – нахмурился я. – Не поверю. Не поверю в проклятье, а не в историю. Уж если имелся смысл кому и проклинать, то князю бунтовщика.

– Ну, а если положить, что проклятье имеет более древние корни? Что, право, знаем мы о прекрасных заклинаниях древности, надёжных печатях, сдобренных прямыми сношениями с силами тьмы, не сдерживаемыми никакой ещё церковью! Что рядом с ними наши жалкие наговоры и анафемы... – уловив мой удивлённый взгляд, Владимир поспешил заверить меня в шутивности сказанного и закончил как об очевидном: – Впрочем, любое проклятье имеет обратную силу. Каббала, которой вы опасаетесь, утверждает то же.

– Уж вы с ним не юдаистской ли веры? – неприязненно спросил я.

– О, нет, – сказал он. – Знаете, каббала имеет лишь касательное отношение к иудейскому почитанию Бога, а что до меня, то я и вовсе не слишком верующий: обрядовая сторона чужда моему восприятию, хотя я допускаю Логос.

– Логос! – удивлённо воскликнул я.

– Вона! – вторил Прохор. Мы покосились на него, и он, поспешив отвернуться в пустую уже кринку, стегнул ни в чём не повинную пристяжную, от чего бричка дёрнулась, и мы с Артамоновым столкнулись плечами.

– Художники, как никто, должны созерцать в мире божественность, – предположил я.

– Божественность! Точное слово, но плохо сочетается с *обязанностью* верить, – отвечал он. – А вы сами?

– Я – учёный, и во всём наблюдаю гармонию, свойственную построению очень высокого порядка. Что уж говорить о моральных законах!..

– Так, выходит, Алексей Петрович, и вы – каббалист, да только не сведущи в этом.

– Вам так видится, Владимир Андреевич? – я покуда излучал вежливость, находясь в полной готовности схватиться в споре.

– О, да. Каббала изучает все высшие тайны и закономерности: создания и структуры вселенной, высших сил, цели жизни людей и народов... однако, все мои попытки учительствовать, право, смехотворны, я и сам знаком с вопросом крайне поверхностно.

– Святые отцы церкви почитали каббалу за противное христианскому духу учение, – покачал головой я. – Я не стану оспаривать их мнения. Впрочем, вам, верно, это не авторитет.

– Моральные законы! – воскликнул он, не поняв или не приняв моего вызова. – Я повидал их действия в Европе и ещё ужаснусь им у родных пенатов. Благообразно молятся в воскресенье – и в понедельник устраивают правила благородного ведения войны – насмешку над благородством; вторник же посвящают лицемерному сочинению порядков мира, кои ещё ужаснее военных; справедливостью и не пахнет на земле. Узурпатор, вторгшись в нашу Отчизну, укорял императора в том, что его крестьяне без чести и правил вилами вспарывают животы его солдатам на променаде. Искренне полагая расстрел картечью из пушек целых масс этих же самых рабов, но лишь обряженных в мундиры, цивилизованной нормой.

Держа на сей счёт уста запечатанными, я не мог не согласиться с ним в мыслях.

– Наш мир, мир Бога – милосерден, а не справедлив. Беда тем, кто искажает заповеди любви, – лишь заметил я кратко.

– В наших – и только – силах сделать его милосердным. У животных нет ни того, ни другого, а мы по ненасытному произволу присвоили себе права царей над всем земнородным. А в известном смысле – и над небесным, – ответил Артамонов убеждённо.

– Бог дал Адаму власть над всеми тварями.

– Некому идеальному существу, именуемому непорочным Адамом, облечённому в первородную одежду из света – да, но в нас уже тычет кровь первоубийцы Каина. А, быть может, и кого пострашнее. Между Адамом и нами лежит тёмная пропасть смещения с неведомыми тварями, потоп и невесть что ещё, о чём Писание вовсе молчит. Меня, Алексей Петрович, успокаивает лишь то, что повезло мне гостить нынче в полуденных краях, – свободных и управляемых просвещёнными моими соотечественниками... а больше иностранцами, – горько заметил он.

– Так вы ощущаете себя гостем в Отечестве? – мне стало жаль его, в ком читались одиночество и печаль.

– Увы, – бросил он многозначительный взгляд и отвернулся в сторону, – наследство моё ещё менее определённо, чем будущность.

Я не стал расспрашивать, что имел он сказать этой странной сентенцией. Словно отголоском настроения нашего день изменился, солнце затянули сплошные пелены облаков, и мелкий дождь напрочь смыл из здешней природы первозданную радость, открыв мне бескрайнюю тоскливую серость неотличимых земель и небес. Прохор поспешил поднять драный кожаный верх, скрипевший от ветхости и грозивший сложиться от встречного ветра.

– Известно ли вам что-либо о проклятии иного сорта?.. Одна местная легенда...

– О, да! – поспешно отозвался он, оживившись. – Земли эти прокляты. Разве вы не чувствуете? Пустыня. Мёртвая Сахара Причерноморья.

Я невольно принялся озираться, хотя понимал фигуральность его выражения. Неприятным холодком, а вовсе не горячим дыханием пустыни повеяло от его вольготного жеста, осевшего окрестности. Да и местность, недавно ещё степная, быстро сменялась, и над высокими травами глаз различал извилистое буйство зелёных крон, обозначавших собой струившиеся по балкам ручьи.

– Странно, что эта легенда совсем не известна нигде более.

– Вся эта обширная страна называлась ещё недавно Диким Полем. Едва полвека прошло, как цивилизация заново распространилась здесь. А какого культурного влияния можно ожидать от наполовину кочевых дикарей? Впрочем, сейчас, уверяю вас, она известна многим, – опроверг он мою мысль.

– Я более привык доверять разуму, нежели чувствам, Владимир Андреевич. Что же до раздоров и войн, то где та страна, которая избавлена от них? Италия, которую покинули вы? Или Греция, которую вы проезжали? Или, паче того, Сирия, куда направляюсь я? Впрочем, вам, одарённому художественно, дано чувствовать утончённое моего.

– Да, – согласился он, и я не понял, с чем. – Вся планета наша, увы, порабощена людской гордыней, но здесь дело другого сорта. В Италии и Палестине кланы, племена и народы живут из поколения в поколение, сохраняя если не государственное устройство и самоуправление, то самый свой быт, нравы и веру. В сих же краях никогда во все века не становилось самостоятельного государства. И никогда не удерживались надолго самобытные нации. Менялись колонии, мешались народы, чехардой скакали правители, принося и унося с собой навсегда своих богов. Будущие победители – светлейший князь Потёмкин и блистательный Рибас – схватились не на шутку ещё задолго до общей победы, что и свело светлейшего в могилу.

– Я слышал, покойная императрица посеяла раздор между бывшими фаворитами, – не мог не усомниться я.

– Силы, говоря вашими словами, более высокого порядка, нежели царские особы, владеют судьбами этих земель. Зло здесь проникло в самую глубину человеческих отношений. Семьи, родственники, друзья и единомышленники, попадая в круг событий, неизбежно втя-

гиваются во вражду. – Он омрачился и поник, что заставило меня подумать, что говорит он неспроста, имея на сердце гораздо более скорбей и сомнений, нежели возможно выразить первому встречному. – Смею верить, я недолго пробуду здесь, чего и вам желаю. Имейте в виду, и да поможет вам Бог, в которого вы верите, тут – каждый сам за себя.

– Вы рассуждаете как человек тоже безусловно верующий, – горячо заметил я.

– Я верю! – воскликнул он. – Но не приемлю внешнюю обязательность, навязываемую союзами царей и первосвященников.

Путешествие от границ владений князя до широкой чудной аллеи заняло у нас часа три, и ещё с полчаса плавно катили мы под сенью молодых ещё лип и каштанов, которые когда-нибудь сомкнутся кронами в высоту и создадут подобие гигантской перголы, дарующей тень в зной или укрытие в дождь.

5. Княжна

Лишь только тяжёлое серое здание замаячило в просвете шпалеры, лицо моего попутчика сделалось чутким и тревожным, ноздри его раздались, и он шумно задышал, почти всхлипывая, что приписал я тогда одному лишь волнению встречи заблудшего сына с дорогими местами. Вблизи, исполненный по странной прихоти в романском вкусе, дом Прозоровских, кладкой из крупного тёсаного камня напоминал старинное аббатство, хотя вряд ли возраст его мог составлять и полвека. Куб его главной части, увенчанный призматическим куполом, и многогранные цилиндры флигелей и пристроек располагались в глубине обширного регулярного парка, в котором не мог я обнаружить ни намёка на знакомые северные растения. Яворы, грецкий орех и шелковица, знакомые моему глазу, перемежались платанами и кипарисами, о которых я лишь читал, но не мог не узнать, лишь только впервые коснулся их жадным взглядом; прочего же множества деревьев и кустарников и вовсе до того не представлял существования.

Дворецкий известил нас, что Его Сиятельства не будет до ужина, а княгиня Наталья Александровна часом позже спустится к чаю. Такое отложенное представление оказалось весьма даже кстати, ибо немедленно после разудалого путешествия не мог я произвести того благожелательного первого впечатления, которое надолго накладывает отпечаток на общение с людьми света.

Прохора тоже не оставили без попечения, но он не мог смолчать, прежде чем отправился в людскую:

– Все тут колдуны, а без этого чёрта, – кивнул в спину удалявшегося Артамонова, – дело, видать, не спорилось. – Лицо его, однако, выражало довольство и спокойствие, похоже, сам он ничуть не верил в рассказанные им небылицы.

– Ну, полно! – осадил я его. – Владимир – художник, князь Прозоровский занимается науками. И запомни: впредь до отъезда...

Я не договорил, Прохор, ворча, вразвалку отправился восвояси, шарканьем добротных своих сапог выказывая всё наличное презрение.

Провожая меня длинными коридорами и тёмными в любую пору суток лестницами в покои, мажордом, снизошедший в своём парадном хозяйском высокомерии до незваного гостя в мятом облачении, сообщил, что печи в этот сезон не разжигают, потому в дождливую погоду приходится мириться с сыростью в спальнях, но обещал перед сном распорядиться принести мне прогретую постель. Движения этого не старого ещё человека и нарочитая сутулость словно умышленно разыгрывались им для окружающих, дабы подчеркнуть важность его медлительности.

Расположившись, я открыл свой саквояж и с ужасом обнаружил совсем новый фрак свой порядком попорченным мелкой пылью, забившейся в бую во все складки. Кое-как приведя себя в порядок, отправился я распорядиться отдать в чистку платье, а заодно спросить чернил, чтобы в удобстве составить несколько писем. Возвращаясь, у дверей в оранжерею я застал картину, толкнувшую сердце моё забиться в совсем иной тревоге.

Мой новый знакомый, склонив голову в глубоком поклоне, о чём-то говорил своей собеседнице, и лишь один взгляд на неё заставил меня вздрогнуть, а душу мою затрепетать в сладком волнении.

Она была не просто хороша собой – и в столицах не встречал я такой свежей и чистой красоты, очаровавшей меня с одного лишь на неё взгляда.

Однако стоять дольше было невежливо, и я сделал несколько шагов в направлении пары молодых людей. Мне пришлось несколько долгих секунд ожидать, пока Артамонов, не слишком скрывавший недовольство моим появлением, соизволит произнести:

– Позвольте представить, Анна Александровна, – Владимир почтительно кивнул в её сторону, – Алексей Петрович Рытин, коллежский асессор, проездом из Петербурга. Оказался столь любезен, что довёз меня к вам, княжна, – сказал художник, и двусмысленность его слов я мог оценить сполна, как и своё представление, безупречное по букве, но уничижительное по сути, так как оно не только превращало меня в придаток отстранённой функции, но и низводило до чина его личного кучера.

Тут же пронзила меня вспышка безосновательной ревности: оказывается, Артамонов, знакомый с дочерью князя, не счёл нужным предупредить о ней, хотя говорил весьма о многом, даже и про угасающую мужскую линию рода. И не упомянул о женской, восходящей к блистающим красотам небесных светил.

Я убеждён, что мгновение, на которое я задержал её прелестную руку у своих губ сверх требуемого приличия, не осталось без внимания моего соперника. Да, уже – соперника, ибо двое молодых людей не могут оставаться ни приятелями, ни попутчиками подле единственной прекрасной дамы. Я добавил несколько поспешных слов, разъясняющих настоящую цель моего визита, и услышал мягкий голос княжны Анны:

– Вы прямо с раскопок, Алексей Петрович?

Я вспыхнул слишком жестокой шутке, а узкие скулы Артамонова, успевшего переодеться в белоснежную рубашку и три жилета, исказила кривая улыбка. Дорожная одежда моя, неизменною возможностью вычищенная недостаточно хорошо, дала ей немилосердный повод посмеяться. Я рассказал о пережитом ненастье, что вызвало её живой интерес, и тут же выяснилось, что она и не собиралась дразнить меня, объяснив, что полагала, будто я и в самом деле занимался неподалёку чем-то сходным с деятельностью её отца на Арачинских болотах.

Она отобрала у меня хлипкую чернильницу, обещав снабдить лучшим прибором, и пригласила нас в оранжерею, а я не без злорадства отметил, как уже раздражение сменило недовольство художника, принуждённого разделить со мной радость беседы с Анной Александровной.

С пылом Отелло, прозревая тщетность своих надежд, я искал в ней хотя бы малейший изъян – в лице, походке, манерах – и к ужасу своему находил её совершенством. Мне необходимо было обнаружить хоть что-то, что разрушило бы её идеальный образ в моих глазах – в каком-нибудь неуловимом повороте головки, в укладке локона, в жесте, – чтобы остудить себя: «ничего, пусть она не назначена тебе – таких множество, и я найду лучше, когда исполнится срок... а это – лишь мимолётная влюблённость вчерашнего школяра после долгого пути...» Но видеть – профиль её милее всего сочетался с приподнятым подбородком, каштановые пряди манили прижать их к лицу, а тонкая рука, приглашавшая за собой, могла повергнуть на колени в жадной милости просить и сердца её обладательницы.

Теперь только, когда следовал я коридорами и залами, бросилась в глаза мне музейная обстановка обширного дома: повсюду в дубовых шкафах и перемежавшихся зеркалами стеклянных витринах воспорские вазы соседствовали с гемуэзскими монетами, а статуэтки этрусков изяществом соперничали через века с украшениями скифов. Ничего из этой мёртвой красоты, способной надолго приковать к себе внимание любого учёного, не заметил я ранее, весь поглощённый живой поступью княжны Анны.

И можно ли было назвать это чувство увлечением? О, нет, то было – слепое влечение металла к магниту, гибельный жар заносчивой души!

Чего я желал тогда? Вряд ли заронить в её сердце хоть искру влюблённости, тем паче что обязанность вскоре отбыть за моря оставляла меня без малейшей надежды встретить её в ближайшие годы. Скорее я лишь стремился играть с её нежными чувствами, поставив себя наперекор её отношению к Артамонову, дабы сравнением с ним хоть немного погасить к нему её симпатию.

Мы расположились вокруг столика, у обращённого к парку выхода, на уютной кромке дождевой мороси и потока тепла от жаровни, сочащейся переливами крупных углей, и тонкие витиеватые узоры литой его бронзы словно насмехались над сложным роением моих растревоженных мыслей. Я позаботился сесть так, чтобы княжна не могла одним взором охватить нас обоих, ибо внешность моя, недурная в сравнении с большинством, всё же проигрывала картинному облику Владимира. Нам принесли шоколаду, и новый разговор потёк между нами; но не плавным течением равнинной реки, а горным ручьём, бурунящимся по упрямым валунам, не уступающим ему русло. Я, признаться, был доволен, что мне удалось прервать общение Владимира и Анны между собой. Страсть уже подступала ко мне, вытягивая свои шупальца желчи, мнительности и гневливости.

Но после я не мог не признаться себе, что не одна только княжна Прозоровская разделила нас с Артамоновым. Дамы более капризные и властные – наши судьбы вставали между нами. И при других обстоятельствах я не мог не выставить против слишком очевидной его незаурядности своего феноменального упрямства.

– Выстраивать ли художников по ранжиру соответственно ординарным чиновникам, которым не нужно таланта, а необходимы лишь усердие и раболепие? – вопрошал Владимир.

И хотя я придерживался насчёт чиновочитания схожего с ним мнения, но кого же прельстит в таком положении оставаться лишь безучастным восприемником чужих сентенций? Игру я принял, и стал настойчиво сбивать его с толку.

– Что ж дурного, что императрица указывала живописцам на их место в государственной иерархии, – с еле уловимой усмешкой парировал я его вызов. – Государственной, но не художественной, ведь ранжиры не мастерством кисти присваивались. А первое не подменяет второго. На то уж есть суд собственный вашей гильдии.

– В Европе такого и в помине нет.

– У них Моцарт умер в нищете, а у нас чиновные художники и литераторы получают службу и содержание от казны, если не имение.

Уж не знал я и сам теперь, по-прежнему ли возражаю ему из любопытства, или уже мнение моё более искренне, чем вызывающе. Он вспыхнул.

– Зато там гении взаимным отбором блистают, а у нас посредственности дурным вкусам служат за пансион, – не уступал Артамонов.

– Европе хорошо за славянской стеной свои моды сочинять, пока мы, служа дурновкусию, с варварами бьёмся. Да ещё их нахваливаем за манеры, которых у себя не держим по причине того, что с дикарями дипломатией не совладаешь. Так что они там, в Европе, пускай поглядят на нашу витрину свиных рыл, и представят себе, какие хари, во сто крат худшие, за нашими спинами обретаются. И с ними – управятся в два счёта, не встретив на пути нашего моветона. Я следую на Восток, тот, который издавна воспевали менестрели, но на который лучше не попадать христианину, не имущему за спиной северного царя с флотом и кавалерией, ибо только сила признается там за ценность. Слышали вы, как фанатики из уличной черни растерзали там гяуров, коими они именуют всех иноверцев, за то, что тем довелось случайно бросить взгляд на священное знамя халифа? Немало знатных европейцев не вернулось в цивилизованные свои пределы.

– Возможно так, но если вы едете, имея в душе сии лишь чувства, боюсь, многого не поймёте вы там, – вздохнул мой соперник, и, как ни старался, не уловил я в том вздохе фальши.

– Что ж, оставим тогда разговор этот до моего возвращения, – предложил я.

– Коли доведётся вам вернуться со щитом, – оставил-таки он за собой последнее слово.

Словесный поединок не довелось нам окончить – объявили княгиню. К счастью, лакей доложил, что и фрак мой в полном порядке. Все проследовали в столовую; когда же с некоторым опозданием туда явился и я, привнеся частичку столичного шика, от внимания моего не

утаилось, как быстро менялось выражение княжны по мере того, как её взгляд окидывал мой облик – и глаза блеснули ещё не симпатией, но интересом.

Людей за столом собралось немало, по их расположению и манерам угадал я домочадцев и иждивенцев. Меня представили княгине Наталье Александровне вслед за тем, как Артамонов почтительно склонился над её рукой и презрительно хмыкнул в адрес моего костюма, столкнув моды юга и запада Европы. Дама в расцвете лет, она оказалась свободной и откровенной настолько, что зачастую это могло приводить к конфузным положениям. По очереди я приветствовал и прочих собравшихся. Они, в самом деле, числились в дальней родне, но некоторые друзья семьи просто приехали погостить из Одессы.

Печенье домашней выпечки таяло во рту, чай распространял чуть горьковатый аромат бергамота.

– Так вы путешественник, господин Рытин, – обратилась она ко мне, и хоть я и не понял, какое место путешественники занимают в её табели между людьми других занятий, мне льстило это определение. – Расскажите нам о ваших приключениях.

Я был ей безмерно признателен за то, что она увидела во мне нечто иное, а не чиновника.

– В сущности, я лишь в начале своего долгого пути, – произнес я и прибавил с глубоким кивком: – Благодаря государя, попечителя наук и искусств.

Мой недолгий и несколько приукрашенный рассказ заставил её с интересом хмуриться и улыбаться, и она рассмеялась, когда живописал я Прохора, а упоминание Ведуна вызвало шорох перешептываний и острую насторожённость Артамонова. Не к месту и зря, лишь из чванства и желая выпятить свою значимость, упомянул я о средствах, ассигнованных Обществом Древностей на экспедицию и манускрипты. Оставшись вполне довольным произведённым впечатлением, а более смесью восхищения и удивления в глазах некоторых особенно драгоценных слушательниц, я остановился, ожидая вопросов. Вместо этого княгиня сказала нечто, от чего сердце моё взволнованно заколотилось:

– А ведь и мы с Анной тоже скоро отправляемся в вояж по Греции.

Будто нарочно молчание наполнило в тот миг всю шумную до того залу.

– Как скоро? – встревожился Артамонов, который, видно, тоже только в секунду сию прознал о планах Прозоровских.

– Дней через пять или шесть уезжаем в Одессу, а оттуда морем в Навплию. Вот, друзья приехали проводить нас, а некоторые составят компанию в путешествии. – И она указала на какую-то пожилую пару. – Багаж уже отослан. От вас, Владимир, я ожидаю подробных рекомендаций, поскольку зиму мы намерены провести в Италии.

– Буду рад в деталях посвятить вас в красоты Апеннин, – напыщенно возвестил он, и уже набрал воздуха, чтобы немедленно исполнить данное обещание.

Пять или шесть дней! – вспышкой отозвалось в голове моей. Значит, можем мы встретиться и в Одессе, и паче того – в Константинополе. Узнать бы только, где собираются они остановиться. Но ставить такой вопрос я не мог из-за слишком очевидной откровенности.

– А нет ли у вас намерения посетить Святую Землю? – неожиданно для самого себя спросил я, получив как оплеуху молниеносный возмущённый взгляд художника. – Времени более благоприятного, чем нынешнее, для этого трудно представить.

– Это отчего же? – Наталья Александровна отвернулась от Артамонова, уже готовившего маленький триумф.

– Думаю, что просвещённая Италия и изобильная антиками Греция более подходит для путешествия знатных дам, нежели угасающая империя, едва сдерживающая дикость объединённых народов, где и по сию пору кочевники не замиренны правительством, – попытался он снова вернуть внимание. – Извольте, я расскажу о некоторых наблюдениях в своём Grand Tour.

От такого нестерпимого жеманства я ощутил прилив крови к голове, и еле сдержался от язвительного замечания; по счастью, тут уже княжна Анна воспротивилась его намерениям,

сказав, что ей не столь интересно слушать вторично его повесть, и хотя он принялся уверять, что обогатит её новыми историями, честь рассказчика перешла ко мне.

– Я убеждён, что такое чудо, как Иерусалим, даже находясь под гнетом чуждой власти, заслуживает внимания каждого христианина, – ответил я ему прежде того как начать.

О, нет, в ту пору я не смотрел на своё предприятие как на поклонение святыням, хотя и они занимали в моих планах немало места. Но не только как паломник стремился я к ним – интерес учёного более довлел надо мною. Но, не имея возможности столкнуться в лоб с Артамоновым в художественном поединке, я, зная его презрение к религии, сковал разящий клинок из тонкой духовной материи лишь для переноса своей атаки во фланг – и он не имел, чем отразить его.

А я, вдохновлённый, расписывал святые места этого города и его окрестностей так, словно не собирался только отправиться туда, но уже вернулся. Неудивительно, что, находясь в романтическом настрое, пересказывал я совершенно бессовестно виконта Шатобриана, несомненно, знакомого княгине по метким зарисовкам в его «Itineraire», сдобривая его узнаваемые эпитеты отрывками из других, менее маститых путешественников. Всё это время Артамонов, не скрывавший ухмылки, бросал на меня саркастические взгляды, и лишь нежелание ссориться с хозяйкой дома затворяло его насмешливые уста.

– Но не опасно ли сие путешествие? – спросила Наталья Александровна.

– Не считаете же вы опасным ехать в Грецию, обретшую независимость столь же недавно, как и Турция – мир с нашей державой? Ужасы войны и османского владычества миновали, но бурление партий только набирает силу.

Ответ княгини выдавал в ней ясный ум и глубокие познания.

– Греция дружественна нам не по одному лишь Лондонскому трактату, а узами чувств и веры народа, и вполне свободна ныне от власти Турции. Кроме того, у нас там немало друзей, и сам президент Иоанн Каподистрия пригласил погостить у него. Мой муж знал его ещё когда граф служил министром иностранных дел в Петербурге. Живши немало в Одессе, мы свели знакомство со множеством прекрасных греческих семей, многие из которых ныне переселились на родину, хотя иные, как несчастный генерал Ипсиланти, умерли или погибли в войне. Более половины из них состояло членами секретного общества «Филики Этерия». Теперь, когда наши друзья и единоверцы обрели подлинную свободу, а флот адмирала Рикорда крейсует у берегов Мореи, ехать в Грецию совершенно безопасно. Но, что до вас: не слишком ли самонадеянно путешествовать по землям, ещё недавно столь враждебным? Точка поставлена в войне, но часто доводилось слышать, как турецкий мальчишка мог безнаказанно швырнуть камнем в любого, одетого в европейское платье.

Признаться, речь эта удивила меня своею основательностью, чему, впрочем, находилось объяснение в её же словах. Кроме того, здесь, на юге Империи, дамы, очевидно, так же хорошо разбирались в политике ближайшей к ним Ойкумены, как многие светские обитательницы петербургских салонов в польских или бельгийских делах. И напротив, дальние пределы взаимно не интересовали тех и других.

Наталья Александровна поведала о глубоком потрясении, охватившем здесь всех с началом восстания при горестном известии о казни турками в самый день Пасхи Вселенского патриарха Григория, повешенного прямо на воротах патриархии на глазах обезумевшей от ужаса и скорби паствы. Она помнила, как на рейде и в гавани Одессы сотни кораблей всех наций залпами пушек встречали из Константинополя его тело, и поныне покоящееся в Троицком храме.

Мы говорили о суровости восточных законов и быстроте, с какой исполняются наказания и казни, но, кажется, мне удалось убедить княгиню, что жестокости часто преувеличены, и для русских подданных недавние ещё опасности, отмеченные захватом купцов и моряков, вовсе миновали, а нынешнее положение дел в ослабленной империи Оттоманской не должно внушать тревоги чужеземным путешественникам. Даже автономная община греков, всегда

управлявшаяся патриархом, лично ответственным лишь перед султаном, снова чувствует себя в покое, ограждённая от произвола чиновников и фанатичной черни протекцией Государя и великих держав. Франки же, как именуют всех вообще людей с запада, и вовсе, пользуясь постулатами Капитуляций, подчиняются только собственным консулам, и не подвержены законам Порты.

Князь прибыл, когда совсем свечерело, поцеловал дочь, троекратно по-отечески обнялся с Владимиром, расспросив его о здоровье, успехах и общих знакомых. Собой он являл простоту в обращении, даже с налётом вульгарности, изредка встревали в его речь слова, употребляемые в людской, а от его внезапных приступов хохота мне приходилось вздрагивать в безуспешных попытках увернуться. Я держал себя официально, но некоторое невнимание с его стороны поначалу задело меня.

– А-а, скоро же вы прискакали, господин Рытин! – глухо воскликнул он, обращаясь как к старому знакомому, стоило лишь мне назваться.

Лет сорока с лишним, вершков десяти роста, с ясным, но возбуждённым взглядом, напоминал он какого-нибудь героя биографий Плутарха. Твёрдая мрачность его выражения не могла не вызвать моего удивления. Что тому причиной – дурные ли новости дня, или всегдашний его темперамент, мне предстояло ещё выяснить.

На его замечание, что, видать, скучно стало академикам без дела сидеть, не желая досадить ему, я ответил, что, имея иную цель, оказался в Новороссии проездом, на что он заметил:

– Но весьма кстати, что вы из Общества, а не от вельмож из Петербурга, иначе конец всему делу. Я тут воронцовских соколов жду... или, вернее сказать, воронов? – При насмешливом упоминании того, «который был и генерал и, положусь, не проще графа», я нахмурился, вспомнив несправедливые эпиграммы задиристого Пушкина в его адрес. – Наябедничал кто-то государю, что занялся я еретическими раскопами, подкопами под библейские постулаты, – продолжал князь, – так что скоро слетятся. Посему, пока не прибыла Вторая Экспедиция, ваша, драгоценный Алексей Петрович, может стать первой и единственной... в научном смысле.

Горький каламбур сей, намекавший на часть Третьего Отделения, ведавшую сектантами и раскольниками, вызвал у самого автора ухмылку, а у меня лишь тревожные сомнения, верно ли поступил я, не вняв совету Бларамберга.

– Но, мне сказывали, наместник способствует наукам? – спросил я, когда Прозоровский пригласил меня в эркер, скоротать время до ужина. Туда подали, наконец, долгожданное цимлянское и разлили по изящным хрустальным фужерам Виллероя и Боха.

– Благотворит, чего греха таить. Намедни, вон, Теплякова направил в Варну за греческими вазами.

Лишь вспоминая на другой день, понял я сарказм, заключавшийся в этих его словах.

– Может быть, следует обратиться к митрополиту Евгению? Он учёнейший из иерархов. Прозоровский увесисто кивнул своей красивой головой.

– Писал к нему не раз – к нему и к Румянцеву, да те времена, увы, проходят.

– Не так плохо может оказаться под судом справедливым, Александр Николаевич, – попробовал я успокоить его, а заодно показать свою осведомлённость. – Вспомните дело почётного члена нашего Общества Кёппена по доносу Магницкого о том, что его работа «Критическое исследование о Кирилле и Мефодии» написана против постановлений церкви. Суд из представителей духовного ведомства оправдал его совершенно, что впоследствии наделило Петра Ивановича широкой свободой.

– Всё так! – воскликнул Прозоровский. – Да только политику не забудьте: происходило это, пока жив был канцлер. Тогда не дозволялось наукам преград чинить, но нынче при дворе полно завистливых невежд. За тысячи вёрст от них не скроешься. Магницкого... хех, секвестировали, но магницкие не переводятся.

Он, с некоторым вызовом и остро сверля меня взглядом, поднял бокал, высоко держа его двумя пальцами, я рассмеялся, давая понять, что мы люди одного круга, и мы вкусили прохлады искрящегося напитка за просвещение и отдельно за ректора Лобачевского.

– А-а, каково, не то, что старуха с клюкой! – похвалил он, и впервые глаза его блеснули чистой радостью.

– Pardon?

– «Вдова Клико».

– Мне трудно сравнивать, ибо я не могу часто позволить себе шампанского, но здешнее вино просто великолепно, – искренне похвалил я, широко улыбаясь то ли бисеру напитка, то ли сознанию своей значимости, которую подчеркнул князь разговором наедине.

– Так вот утешисься, и все тревоги отступают... до другого дня. Утром же поедем в раскоп, поглядите.

Вино начинало уже овладевать мною, и я оставил, наконец, напускную строгость.

– Что это за таинственная легенда, о которой в ваших краях столько говорят? – спросил я, объясняя себе этот вопрос только желанием продлить общение с князем.

– А-а, брат! – воскликнул он, со звоном опустив свой бокал. – О последних битвах и последних днях... А кто говорил?

– Тут нелегко поименовать каждого. Собственно, все: от хотя бы ямщиков и колдунов, до, вот, моего попутчика, господина Артамонова. Иван Павлович тоже...

– Бларамберг... Ищейка, ко мне ему путь заказан. – Я смолчал, все меньше понимая происходящее: если не сам хозяин, кто же тогда звал Бларамберга? Князь продолжал: – Сам граф Воронцов верит ли легендам – не знаю, да только главное для него – служение Отечеству. И если для этого требуется что-то раскопать – милости просят нас, а если что-то закопать, то и обратно зарыть велят. До следующего царя, прости Господи... государя. *Mit der Dummheit kämpfen Götter selbst vergebens...* А вы что ж, Бларамберга видели?

– Случайно пересеклись в дороге, – безо всякой потаённой мысли ответил я.

– Случайно, говорите? – наклонил голову князь. – Со Стемпковским чаю тоже, поди, испили?

– Доводилось встречаться и с Иваном Алексеевичем, – ответил я холодно, ибо мне стал не по нраву тон князя и речи его, напоминавшие допрос.

– Когда же успели? – настойчивость князя выдавала вовсе не пустой интерес.

– Он выступал с нумизматическим докладом в Университете, так что чаёвничали в Москве, до его назначения Керчь-Еникальским градоначальником. Не одними окраинами жива наука, – притворно вздохнул я, и заметил, как мой ответ почему-то успокоил несколько его насторожённости. – Я знаю, что он не упомянул вас в своём труде... кажется, «Antiquites»...

Я прервал речь, наблюдая, как в его глазах тут же вспыхнули быстрые искры удивления, он улыбнулся, хоть и немного через силу, но после понял, что я не уступлю ни дюйма, и засмеялся. Кажется, моя случайная осведомлённость прибавила мне внимания со стороны князя, но приятного или осторожного, я не знал. Так или иначе, вес в его глазах мне был необходим, и я сделал попутно ещё один важный вывод: даже непрочитанными иные книги могут приносить пользу. Или вред.

– Наливайте, наливайте, игристое не любит стоять. За что желаете пить?

– Осмелюсь провозгласить за императора...

– Ну, и то можно, цимлянское от этого хуже не станет, – усмехнулся он, перебивая. – И лучше не станет. Здесь, на юге, подобострастие не в чести, но, коли царь вам так дорог, тогда не смею отвлекать...

– А я не постыжусь своего тоста. Образованные и учёные мужи волею государя и наместника становятся во главе городов и губерний, заседают в коллегиях министерств – когда такое было в истории Отечества? Что ж тут дурного, если я...

– И вы – вы тоже без сомнения станете, с такою-то прытью, – закончил он, хотя я имел сказать совсем иное. – Не сердчайте, – осадил он себя, уловив моё недоумение. – Вот вам за это – моя история. А то скоро обедать позовут. Впрочем, вы столь много обо всех знаете, что если станет скучно – остановите. Я пристрастился к раскопкам в юности, вслед за дядей моим Степаном Ерофеевичем, который возил меня по Средиземному морю. А он, не удивляйтесь, заболел науками от кладоискательства: слышали, небось, о сокровищах Стеньки Разина? У нашей семьи с ним кое-какие свои счёты... Ну, так того клада он не отыскал, зато открыл одно старое городище. И с тех пор пошло... Прямыми наследниками судьба его не наградила, так что всё имущество он завещал мне, я и продолжаю коллекционировать, что он не дособирал, – Прозоровский повернулся вполоборота, и рука его очертила дугу. – Весь дом в черепках. А теперь уж и в костях. Их он стал раскапывать после визита в Помпеи.

– Реликвии такого сорта не слишком эстетичны, – заметил я.

– Так и ваши академики мыслят, по-Винкельмановски! – с каким-то злорадством быстро воскликнул Прозоровский, будто только и ждал случая уличить меня в потакании какому-то ветхозаветному пороку. – Монетки считают, брошки перебирают. Егор Егорович посещал меня лет десять тому, осматривал коллекцию, языком цокал, приобрёл какие-то геммы, а после, как я его в подвал проводил, выскочил и – вон отсюда, только пятки засверкали.

В Москве и предположить не мог я, какие нешуточные страсти кипят среди учёного люда в провинциях. Я, конечно, был наслышан о некоторых противоречиях учёных школ, но только теперь ощутил всю глубину раздоров и зависти, положивших раскол между образованными людьми в погоне за многочисленными истинами. Чего бы, казалось, им делить? Почему не соединить усилия в постижении правды нашего мира? Да и по витринам в палатах Прозоровского я никак не мог сделать вывода, согласного с его утверждениями – всё те же в духе классической эстетики изящные предметы высоких исчезнувших с лица земли культур, о которых говорил он пренебрежительно.

– Что же испугало в вашем подземелье господина Кёлера? – спросил я, не подав вида.

– А покажу, чтоб спалось крепче, – ухмыльнулся он. – Вы впятеро против него увидите, Алексей Петрович. Тогда и поймёте, если подскажу, конечно, отчего наместник меня ещё терпит.

Позвали ужинать. За большим столом насчитал я поначалу пятнадцать персон, прежде чем сбился со счёту. Кроме семейства князя, друзей, домочадцев и моего не в меру ретивого знакомого Владимира Артамонова, к столу явилось ещё четверо. Двоих голландских инженеров князь в шутку представил размыслами, ещё одного врачом, из немцев, четвёртый же сам назвался естествоиспытателем. Все они в разговоре нашем участия почти не принимали, сосредоточив внимание на отменном аппетите, и лишь изредка тихо переговариваясь о деле, которое, как я понял, целиком их занимало, не считая еды. К особе моей они не проявили почти никакого интереса, имён их, к своему стыду, я тогда не запомнил, следя за одной только княжной Анной, о чём пришлось мне несколько погодя пожалеть. По вопросам князя и оставшимся пустыми стульям я догадался, что к ужину явились не все, некоторые из его работников продолжали свои кабинетные изыскания.

Княгиня Наталья посетовала на то, что трапеза не готовилась как праздничная, но обещала, что на завтра стол произведёт другое впечатление. Впрочем, на мой вкус разнообразию постных блюд мог позавидовать иной дипломатический приём.

Первое время беседа мирно текла вокруг новостей, привезённых мною из столиц, а Артамоновым из Европы. Манера его речи и вдохновенная жизнерадостность привели к тому, что он легко и надолго завладел вниманием. Увы, всеобщим – обольстительная княжна не отрывала от него глаз, почти даже не притрагиваясь к кушаньям. Любое остроумное замечание художника резало моё сердце словно ножом. И хоть анекдоты его большей частью касались особ отдалённых морями: итальянских вельмож и переругавшихся после победы греческих

революционеров, по некоторым чувствовал я, что не хотелось бы мне стать мишенью для его колкого языка.

– Не так давно, если помните, немного изрыгнулся Везувий, что породило в нашей маленькой колонии, покровительствуемой князем Гагариным, подобие вулкана интереса к сему предивному природному творению. Отправился туда и я, не вместе, но совместно с Карлом Брюлловым, пенсионером от Академии. Почему же, можете спросить, не вместе? Потому лишь, что он путешествовал туда *вместе* с графиней Юлией Павловной, я же находился хотя и при них, но обособленно. Незадолго до того эта особа познакомилась с Карлом в салоне Волконской, которая в ту пору ещё не приняла католичество и не перебралась в Рим окончательно. Я говорю о той Зинаиде Волконской, которая состоит в членах Общества Древностей, представленном у нас уважаемым Алексеем Петровичем, – пропел он в мою сторону, и я, слушавший его лишь краем уха, чуть вздрогнул от одновременного внимания к себе всех обедавших. – Между художником и его музой возникла не просто дружба, – продолжил Артамонов вкрадчиво, и перевёл взгляд на Анну, отчего я стиснул нож так, что кулак мой побелел, а ланиты Анны озарил румянец, погасивший улыбку. – Летом они бродили среди руин Помпей, где и зародился замысел огромного полотна, наброски которого он начал делать там же. Благодаря графине Самойловой, маэстро познакомился с людьми из высшего общества. Презабавно, но Юлию Павловну он изображает на картине трижды, себя же лишь единожды. И коли он не передумает, то и ваш покорный слуга прославится в веках если не портретами своей кисти, то сам как портрет одним из образов грядущего шедевра.

Он встал и театрально раскланялся, став причиной одобрительного шума со всех сторон.

Когда подали десерты, я, улучив момент, позволил себе вернуться к прерванному разговору, благо князь усадил меня подле своего места во главе стола.

– Вот так и все, как вы, спросишь про миф, а начнут говорить – только в сторону уводят.

– Любопытно? А ведь ещё недавно вы ничего об этом не ведали! То-то, я и сам на себе ощутил. Слушайте. По преданию, на землях этих была последняя битва сил добра и зла, – сказал Прозоровский. – Легенда старая, местная, рассказывают её по-разному, мой дядюшка десять лет посвятил её изучению, херя всё лишнее да народное. Суть не в том, что битва, а в том, что она состоялась. Понимаете: не будет, но – уже свершилась.

– В этом вся её ересь?

– Возможно, – он нарочитым презрением и даже брезгливостью изобразить, что не желает ничего и думать о вещах ему чуждых.

– Что ж, ведь это – простая нелепость, – мнимым отступлением я желал подвигнуть его к подробностям. – Анахронизм. Явно противоречит...

– Священному Писанию? – вскинул он голову. – Вот и они так твердят.

– Не Писанию, а глазам! Здравому смыслу. Как же можно думать, что здесь Армагеддон уже свершился, коли мы на сём месте сидим и чинно ужинаем?

– В легенде названия нет, хотя здесь есть несколько местечек, фонетически схожих с Мегиддо, да это пустое, для дураков. Сам я верю лишь в то, что последней эта битва стала для кого-то, о ком мы можем только догадываться.

– Кто же победил?

– Зло объявили поверженным, – пожал плечами он и хохотнул. – Впрочем, какого иного вывода можно ожидать от победителей? Они, победители, как легко сделать вывод из всеобщей истории, только и делают, кажется, что, усеивая землю трупами исчадий ада, осаждают трон добра. После уж восседают на нём до прибытия новых орд, ещё более яростных в делах милосердия.

Он расхохотался в одиночестве, что его ничуть не смутило.

– Этого недостаточно, чтобы строить гипотезы о последней битве. Ведь архистратиг Михаил с войском одержал победу над падшими ангелами, так и что же?

– А присной памяти Степан Ерофеич, царствие ему небесное, никаких теорий не строил. И про ту первую битву знал. Но говорил, что, когда бился архангел, то людей ещё в помине не существовало.

– А в последний раз, о котором все шепчутся – люди уже существовали?

– Это же – людская легенда! – воскликнул он. – И она не в книги занесена. Кроме того, у меня имеются и собственные неожиданные изыскания на сей счёт, кои я вам намерен вскоре представить.

Тут, я, признаюсь, от любопытства чуть не заёрзал на стуле, но по счастью уловил на себе взгляд княжны и остепенился. Вообще, поглощённый рассказом Прозоровского, я и не заметил, как диалог наш сделался предметом внимания всего стола. Это польстило моему самолюбию.

– Но, как ни поглядеть, – он развёл руками, – а поколениями передают одно и то же: проклята земля, не будет на ней покоя, покуда не восстановится справедливость. Ведь, судите сами, тут воистину спокон веку никакой оседлой жизни подолгу не налаживалось. Это, учитывая, что здесь плодородные земли, и климат прекрасный.

Я припомнил и бурю и давешний дождь, но и тут заставил себя смолчать. Он продолжал:

– Триста лет тому Герберштейн писал, что местность между устьями Днестра и Днепра представляет собой пустыню. Только начиналась какая-то оседлая жизнь, как сразу война, новые племена, разрушения. Отстроятся вчерашние победители, а потом сызнова. На севере – Ржищев, Канев, Боровище, Чигирин, Крылов – и ещё полдюжины разбитых городов вам назову. Там ещё не всё занесло – и копать не надо. А уж на юге, по берегам – и числа нет. А тех, которым и названия уж стёрлись – только заступ ткни в землю – и их везде найдёшь. Знаю, что возразите: трудно на пустых равнинах оборону от быстрой конницы держать, тут нападающий всегда в большом выигрыше. Рек мало, лесов для засек нет, рубежа не построишь – всё так. Да не только. Когда мой дядюшка Степан Ерофеевич переселялся в эти края во времена императрицы, тут на пятьдесят вёрст кругом тысячи душ не набиралось. Точно вымело всех. Столица Крыма, Бахчисарай, по взятии насчитывала всего около пяти тысяч обитателей. Обширнейшие земли сии представляли безлюдную степь, для заселения которых чего только не предпринимали: вызывали колонистов из Германии, а после Болгарии, Греции, Армении, Сербии. Целым полкам выходцев со всех краёв Европы приказывали обзаводиться жёнами и селиться возделывать землю. Герцог после следовал этому примеру, разве что упирал на соотечественников из Эльзаса. Так что сейчас каких только авантюристов тут не встретишь. В Одессе – Франция, Австрия, Испания и даже королевство Неаполитанское открыли консульства. Но и решительные меры по оживлению торговли не привели к сколь-нибудь значимой кучности населения.

– И сейчас ещё от села до села за час не доскачешь. – Я, кивая, с трудом дослушал до конца, только с тем, чтобы вернуть его поскорее к своему предмету. – Но что означает восстановить справедливость? И по отношению к кому?

– Вот, Алексей Петрович, выходит, и вас забрало изрядно.

– Меня это не может не интересовать, тутошний... волхв, прости, Господи, намедни мне напорочил беду, коли я к вам явлюсь.

При этих словах княгиня подала знак, и дамы покинули нас. Не без сожаления провожал я жадным взором стройную фигуру княжны Анны в нежно-голубом батистовом платье. И прежде чем исчезнуть за пятигранной колонной стрельчатой арки, головка её повернулась в профиль, достаточно лишь для того, чтобы самым краешком глаза увидеть меня – или всё это только внушилось мне порывом влюблённости, который уже и не силился я сдержать.

– А нечего спрашивать, – докатилось до меня на краю слуха и, обернувшись, увидел, как зыркнул князь исподлобья. – Моему дядюшке он тоже посоветовал не приближаться к Арачинским болотам. Тот до его слов и знать не знал, что они скрывают. Так это как в сказке о мудреце Ходже Насреддине, когда он велел чудакам не думать о белой обезьяне, не то быть

бед; куда там – все только её и вспоминали. Сейчас, слышал я, что, дескать это он туркам пророчествовал о белом... гхем... царе... Так и дядюшка мой захворал мыслью об этих болотах. А потом и в самом деле подхватил там странную заразу, которая и свела его в могилу. Будто выгорел изнутри. Нам ведь, людям, как? Скажи: нельзя, так мы таки туда, грешные, и поскочем. Молви: добродетель – нам скучно. – Он вдруг перегнулся ко мне и процедил тихо, но слышно для всего общества: – А вы занятная персона, вроде в наших краях и недели не пожили, а всех уже *обскакали*.

Холодная, чуть открывавшая твёрдый оскал улыбка, оставшаяся на лице отпечатком последней двусмысленности, не предвещала ничего доброго.

– К колдуну, если вы о нём, нас бурей занесло, – бросил я князю несколько рассеянно.

– Оно конечно: выходит, там случайность, тут везение, а благодаря им вы уже и заглавное лицо в действии. Немного напора – и мы все тут у вас по струнке встанем, а?

Общество чуть загудело, Артамонов криво улыбнулся, глядя в свою чашку.

– С чего бы мне приписывать собственные наклонности? – ответил я нелюбезно, досадуя на вечер, который утратил для меня львиную долю прелести.

– Как бы то ни было, говорят, талантливому человеку любая случайность...

– Говорят, доброй свинье всё впрок, – перебил я его, будучи готов уже даже к ссоре.

Он нахмурился, но каким-то решительным усилием переборол себя, рассмеялся, хлопнул в ладони и приказал распечатать ещё бутылку.

– Простите меня, Алексей Петрович! Я просто ревнив не в меру.

– Будет вам, – остыл и я, с трудом успокаивая себя тем, что сердечных дел не существовало в моих мыслях ещё утром, и следовало бы вернуть думы к намеченным делам, а там – будь что будет. – Скажите лучше: кроме этнографических доводов, кои не могут служить верными доказательствами, какие подтверждения мифу вы нашли?

– Евграф Карлович, долго вам ещё осталось? – спросил Прозоровский доктора.

– Дня за четыре начерно управимся, Александр Николаевич, – помедлив, степенно ответил тот. – Особенно ежели Владимир Андреевич подсобит.

– Вот сами и увидите. Я вас для того и звал, да не думал, что скоро явитесь: в начале мая только открыли самое главное. Теперь уж придётся дотерпеть. Но я уж постараюсь сделать ваше времяпрепровождение занимательным. Вином, во всяком случае, не обделю.

Помыслы мои против воли сразу обратились на княжну Анну, но усилием я всё же попробовал отвлечься от них, словно они компрометировали молодую особу.

– Выходит так, что после поражения сил света мир под влиянием зла погрузился в пучину греха?

– Оно и так, да как бы не хуже.

После этих слов Артамонов, показательно демонстрировавший скуку, просил разрешения оставить нас. Князь пообещал ему скорую аудиенцию, а я вновь с трудом отказался от мысли, куда бы так мог торопиться молодой человек, если не на тайно назначенное свидание. Мало-помалу и другие гости удалялись в свои покои. Вскоре лишь наш край стола не остался пустовать.

– Значит, и вы ничего не хотите сказать откровенно...

– Отчего же? Я не намерен вам сказок пересказывать. Я учёный, и сам не всё ещё знаю, а если и скажу бездоказательно, то вы не поверите. Проверить захотите.

– Разумеется, желал бы убедиться своими глазами.

– Вот и я хочу того же, чтобы вы не легендами питались, а наедине с глазами и без моей подсказки сами сделали выводы, а после уж и сравним, ну, по рукам? Что может быть интереснее, чем делать открытия в нашей науке?

Ах, так! Всё ранее сказанное князем, его колкости и подозрения смешались во мне в один комок, сильно разозлив меня. Ну что же, мне есть чем тайно ответить. Тогда и я повременю с возвращением скрижали.

Эта мысль немного уравнила меня с присутствующими. Мы подняли бокалы за новые находки, причём если я вознёс свой высоко, а князь вполтину ниже, то четверо посвящённых и вовсе едва оторвали доньшки от стола. В иной раз это выглядело бы смешным, но мне стало неудобно. Из всех присутствовавших лишь один я находился в неведении, прочие же как-то неловко тупили взоры. Посему я постарался скорее кончить трапезу, сославшись на скверный аппетит после тряского путешествия, и с позволения хозяина отправился осматривать его необъятную коллекцию, втайне рассчитывая встретить вместо чарующих греческих головок на черепках амфор свежий и живой лик той, что прекраснее легендарной Елены.

Судьба не благоволила мне в этом, а вскоре и сам князь присоединился ко мне, давая пространные разъяснения реликвиям.

6. Угроза

Пробило десять. Велев лакею снять со стены большой кенкет, Прозоровский повёл меня в подвал, назвав его винным погребом. Я же мысленно прозвал его донжоном, памятуя об угнетающем облике громадного здания.

– Дом этот выстроил мой дед, большой ценитель прекрасного, в том числе вин, он там хранил несметное количество бочек; а я уж приспособил под музей. А пуще виноделия он знатоком слыл по религиозной части. Любил Византию со всеми её причудами. С турками всю жизнь: то воевал, то торговал – и после каждой войны всё доходнее. Тут всё в таком вкусе – и храм, и больница, и школа. А фундамент старый, едва ли не греческих времён, что тут стояло – не знаю, но дядюшка сумел и в нём отрыть немало. А я не тревожу – неохота как-нибудь узнать, что живёшь на кладбище, хотя бы и древнем.

– Мне колдун тоже совет дал: не рыть слишком глубоко, намекая прозрачно на мою фамилию.

– Видно, будете... – отвернулся он вбок, – копать.

– Кто он, этот старик?

– Я этого знать не намерен. Живёт неподалёку. Советы он раздаёт, что твоя Кассандра. Остерегает, говорят, всегда правильно, только все прут наперекор. Говорят, дар ему в наказание, а не в награду, как святым.

– Или не он, а мы все своевольные упрямцы. Мне он показался осведомлённым...

Я прикусил язык. Не хватало мне только сразу проговориться о загадочных камнях, даже не попытавшись выяснить их происхождения. Но опасался я напрасно.

– У него советы один другого хуже. Только бездельникам годятся. А у делателя всегда с одного боку Скилла, с другого Харибда, – пробурчал он недовольно, словно оправдываясь.

– Может, на роду написанное не нам менять?

Князь сощурился и скривил мину, из которой можно было сделать какое угодно заключение.

– Вот и проверьте сие утверждение в Турции, где, как пишут, все как один – фаталисты. А вернётесь – милости прошу, поведать о выводах.

Уж если и вернусь я сюда, то вовсе не за тем, чтобы спорить о каких бы то ни было науках, – подумал я тогда, охваченный романтическими порывами.

Широкая винтовая лестница сделала полные два оборота, прежде чем мы спустились на дно колодца, и слуга разжёг факел, заменив им вмиг ставшую тусклой лампу. Из широких ниш вдоль стены, представлявших собой чередование увенчанных пилястрами столбов и арок, выглядывали части скелетов каких-то животных. Иные из них по недостатку ископаемого материала собирались наполовину от оскаленной пасти до передних лап с острыми когтями, другие почти целиком сохранились с большими кусками шкур, так что руке опытного чучельника оставалось лишь одарить их чёрными блёстками каменных глаз.

– Это уже не к археологии имеет отношение, а к палеонтологии, – заметил я. – Я же не силен в ней, коллекция в Москве скромна, куда ей до вашей.

– Обширнее моей – нет в Империи, – весомо заявил Прозоровский и подвёл меня к ним ближе. – Да и в Европе, я полагаю. Ископаемые останки шерстистого носорога, буйвола и мамонта, подаренные ещё Палласом моему деду, – представил он по очереди туши, особенно сильно выпиравшие из неглубоких ниш.

– Неужто они извлечены в этих краях?

– Нет, их Паллас привёз с собой из Сибири, кое-что я выменял в Лондоне, а вот и местные экземпляры, – он обратился на другую сторону, в совершенную темноту, где, по всему судя, находилось немало пространства. – Большинству ещё и названий нет. Прошу простить, сюда

проделаны отверстия для света и воздуха, но ночью есть только один способ увидеть собрание. Впрочем, жалеть о том вам не придётся, зрелище я сулю незабываемое!

Голос его вознёсся к невидимым верхам и дважды вернулся звонким эхом, заставляя трижды верить в обещанное.

Дворецкий, подобострастно обогнув хозяина по длинной дуге и слегка толкнув плечом меня, подошёл с факелом к большим круглым зеркалам с расставленными перед ними площадками с какой-то горючей жидкостью и один за другим поджёг толстые фитили. Множество рефлекторов, отразив под разными углами яркое голубоватое пламя, бросили свет вдаль, и глазам моим открылось жуткое и величественное зрелище.

В гигантском зале с циклопическими колоннами, вершины которых образовали широкие полуциркульные своды, делавшие из нас ничтожных насекомых, я узрел громадные скелеты чудовищных существ.

Мне доводилось созерцать изображения древних ящеров, но я и представить себе не мог их истинных размеров сравнительно с собой.

– Как вам моя кунсткамера? – громко воскликнул князь, насладившись произведённым эффектом, и снова эхо, словно стремясь опередить себя, дважды вернуло его слова.

Тени скелетов в прыгающих бликах широких лучей металась из стороны в сторону, то скрывая, то открывая нагромождения новых исполинов за ними. Голова у меня шла кругом, я замер в страхе восхищения, не в силах сделать ни шагу.

Князь что-то говорил, голос его звучал взволнованно и гордо, он бросился вперёд, увлекая меня, и я, поминутно отступаясь на каких-то окаменелых позвонках, брёл, оторопело задрав голову, следом. Повсюду надо мной громоздились чудовища, собранные так искусно, что, казалось, они могут вдруг одним движением разорвать путы, удерживавшие их вертикально и наброситься на нас. Теперь понимал я, зачем Прозоровскому потребовались инженеры и врачи – без этих профессий немислимо было создать всю эту выставку.

– ... граф Воронцов гостил у меня позапрошлым летом, – продолжал Прозоровский. – Я звал его к себе после наветов от наших консерваторов, чтобы мог он лично сравнить их воззрения с консерваторами английскими. Слышали вы про классификацию Вильяма Бакланда?

– Признаться, не много. Он – естествоиспытатель?

– А Михаил Семёнович слышал. Бакланд – Президент Королевского Геологического Общества. Лет пять назад сделал доклад о найденных ранее где-то под Оксфордом останках гигантской ящерицы, которую назвал мегалосаурисом. А несколько позже ещё один англичанин представил зубы игуанодона.

– Ценю вашу остроумную мысль. Вы выбрали представить наместнику английские труды, зная, что он питает к островитянам особую приязнь, – улыбнулся я, отмечая для себя ещё одно мудрое решение: обилие зеркал на стенах, кои и создавали в сполохах тусклого света иллюзию бесконечного помещения.

– Верно. После того меня оставили в покое. Как видно, на время.

– И вы теперь занимаетесь раскопками допотопных зверей? Но почему тогда обратились в Общество Древностей, которое интересуется иными, рукотворными произведениями?

– Неужто? Признаться, призывал я не Общество, а Румянцевский кружок, если уж исследовать причины. Впрочем, я не делаю между вами разницы, явились вы, да и ладно. Полагаю, у Румянцевских не нашлось желающих, обратились к вашим, а тут и вы под рукой... уже скачете во весь опор... Но разве Общество не исследует останки царей в курганах?

– Царей людей, но не царей зверей.

– Гигантские кости находили со времён античных и считали их за останки героев Троянской войны. В Средние века их выдавали за кости исполинов, упоминаемых в Библии и якобы смытых потоком.

Он замолчал, словно обдумывая продолжение. Я поторопил его, опасаясь, что плохо понимаемая мной логика его рассуждений может навсегда оставить мой разум.

– Догадываюсь, что вы не случайно привели меня в подвал, но я не граф Воронцов, со мной говорить вы можете откровенно, если не как с другом, то как с коллегой.

– Я нашёл кое-что, – отозвался он мрачно. – Но и в мыслях не имею скрывать это. Уже завтра я покажу место, где всё происходило. Теперь уж поздно, а вам следует хорошо отдохнуть.

Время забыло спуститься в это подземелье, лишь за полночь мы поднялись наверх, и я почувствовал изнеможение.

Было мне как-то не по себе, когда под завывания ветра в отдушниках укладывался я один в огромной стылой комнате, так же отдалённо напоминавшей спальню, как подвал князя – винный погреб. Повсюду в тёмных углах мне чудились оскалившиеся пасти. Обругав жуликом дворецкого, оставившего меня без тёплых перин, я, съёжившись, ворочался в поисках удобного положения.

Мне казалось, я уснул, но под влиянием множества томительных воспоминаний (вдобавок, пока я отсутствовал, в комнате моей появилось крохотное бюро, украшенное прекрасным бронзовым чернильным прибором) спустя немного очнулся. Сон покинул меня, я решил подышать воздухом оранжереи, и вышел, прихватив большой пятисвечник, изображавший сентиментальный сюжет, очень подходивший моему теперешнему настрою – не холодного учёного, а байроновского юноши. Но вдруг и моя принцесса так же проводит последние ночи под луной среди своих высокомерных орхидей?

Поверить сии фантазии я не смог: проплутав с четверть часа в крохотном пятне света, несомого над собой и пугаясь собственных отражений в неожиданно открывавшихся зеркалах, я понял, что заблудился в обширном доме князя. Все закуты и повороты выглядели одинаково, а тонкие лучи проникали даль лишь на три или четыре шага. Неожиданно вырываемые из мрака углублений и ниш мумии и чучела вскоре совсем расстроили мои нервы. Тени, словно борясь с зыбким пламенем, пускались в пляс и грозили увлечь за собой их оскаленных хозяев. Уж стало мне не до шуток, когда оказалось, что и обратного пути я отыскать не в силах. Неудобное моё положение осложнялось ещё и тем, что свечам оставалось гореть не более пяти минут.

Свернув в очередной раз за угол, я вдруг увидел на чёрном полу отблески тусклого света, исчезнувшие вскоре за тихо притворенной дверью. Полагая в том своё спасение, я спешно направил стопы туда.

Моё удивление возросло необычайно, и, признаться, я обрадовался, усмотрев сквозь щель полуприкрытой двери своего нового знакомого Владимира Артамонова в глубине ампирного кабинета. Мысленно позубоскалив над тем, что он-де нашёл-таки в ночи соответственный своему модному наряду столь же модный антураж, я приблизился и вслушался. Очевидно, он зашёл только что. Но некоторые действия его заставили меня не только повременить с возгласами радости, но и спешно задуть свои огарки, не задумываясь о том, как снова я зажгу их без оставленного у постели огнива. Кто-то второй, скрытый от моего взора, неистово перебирал ящики шкафа рядом с ним. Оставаясь незаметным во мраке, я мог наблюдать, как художник принялся рассматривать найденные там бумаги.

– У вас есть что передать мне? – раздался старательно приглушаемый голос.

Владимир кивнул и поставил на стол то, что назвал склянкой с раствором герра Либиха. Рука неизвестного поспешно схватила её.

– Но здесь нет рецепта! Без него это стоит недорого.

– Не беспокойтесь, я помню его наизусть, – услышал я несколько отстранённый голос Владимира, а спустя продолжительное время горький его возглас: – Боже, это они! То, что я со страхом подозревал и о чём говорил мне принц – правда.

– Что написать мастеру Россетти? – послышалось мне это имя, ещё более глухо произнесённое вторым посетителем с оттенком иронической надменности. Безупречная манера произношения выдавала в нём иностранца.

Ответа художника я не расслышал – так же, как и они, увлечшись своими тайнами, не слышали эха череды мелких шагов, приближавшихся по коридору. Я же поспешно отступил в какой-то проём, оказавшийся по счастью занятым лишь наполовину холодной мраморной статуей.

О чудо! За покачиваниями зелёного пятна изящного фонаря со стеклянным абажуром моим вождевающим глазам предстала милая фигура княжны, облачённая в лёгкое домашнее платье из шёлкового крепа. Лишь из опасения испугать её я не решился тотчас же расстроить предстоявшее ей странное свидание. Тем временем она распахнула дверь, и её удивлённый возглас:

– Владимир! – заставил того вздрогнуть. Но вместо лица загадочного незнакомца заметил я лишь лёгкое дыхание дальней гардины. В последний миг ему удалось улизнуть.

– Анна... Александровна, – лишь пролепетал он в изумлении, не ожидая видеть именно её.

– Что за блажь назначить мне встречу в кабинете отца? – громко прошептала она. – И не вздумайте возомнить невесть что. Я пришла только сказать, что он не позволяет никому даже входить сюда в его отсутствие. Вашу записку я возвращаю.

Я ничего не понимал, но с наслаждением готовился следить за оправданиями художника, также поставленного в затруднительное положение. Он бросил взгляд на письмо, и по его лицу скользнуло выражение крайнего недоумения. Но к чести своей Владимир немедленно взял себя в руки, сплетя историю о том, что по поручению князя он знакомился с материалами раскопок, поскольку уже на завтра ему предстоит присоединиться к работам.

После нескольких ничего не значащих фраз, лишь выдававших растерянность Артамонова, и лёгкое, но без холодности неудовольствие княжны, они покинули кабинет, оставив меня в полном мраке. Следовать за ними я не мог, и, чувствуя во всём тайну, приготовился ждать, когда выйдет загадочный посетитель. Почему я не вышел тогда в коридор, зачем продолжал таиться? Какое ребяческое желание непременно и немедленно стать обладателем чужих секретов сыграло со мной злую шутку!

Из опасения оказаться замеченным, я лишь глубже запрятался за статую. Прошла томительная минута в кромешной тьме, затем другая, и я явственно ощутил неудобство своей позы, в которой у меня сильно затекала спина. Ни малейшего луча света не источалось в этот глухой коридор, но всё же я мгновенно покрылся липким потом, почувствовав совсем рядом чьё-то незримое присутствие. Кто-то беззвучно подкрался вплотную, не видя меня и оставаясь сам за завесой мрака, прежде чем скрип половицы в шаге от ниши выдал его движение. Я замер, перестав дышать и подняв подсвечник вровень с лицом, полагая любые дурные намерения от незнакомца возможными, а также пытаюсь понять, как удалось ему заметить меня. Несколькими секундами позже я услышал хруст стекла, и одновременно с шипением от боли вспыхнул свет, ярким сполохом зажигательной спички лишивший меня на миг зрения. Но уже вскоре из своей засады я видел неведомого человека в плаще с капюшоном, поспешно ступавшего в сторону, противоположную той, куда удалились молодые люди. Когда он сам свернул за поворот, я поспешил за ним в надежде, что выберусь в знакомые части дома, и ориентируясь лишь по тусклому отсвету, мерцавшему вдали.

За углом меня ожидало неприятное зрелище длинной зеркальной галереи. Незнакомца уже нигде не было видно, но сажень в пяти на стене дрожала одинокая свеча. Поддавшись мгновенному порыву, я позабыл об осторожности и бросился, чтобы запалить три свои огарка. Мне показалось, как за спиной одно из моих отражений словно выступило наружу, и шея моя немедленно оказалась в тисках чьих-то железных объятий.

– Не суйтесь в чужие дела, мой друг, поезжайте лучше в Одессу, – услышал я насмешливый шёпот.

По руке моей ударили чем-то тяжёлым, и медный звон шандале смешался с моим коротким возгласом боли, ибо тут же его поглотил мерзкий рукав, пропитанным жидкостью с едким запахом. Нос и рот мой оказались крепко зажатыми, задыхаясь, я сделал в неравной борьбе несколько попыток вдохнуть – и чувства покинули меня.

Я очнулся от толчка, не зная, сколько времени миновало, тело моё, удерживаемое под руки и ноги, раскачивалось в такт шагов заговорщиков – два человека несли меня куда-то, ведя в четверть голоса между собой беседу по-французски, убеждённые в моём обмороке. Я не спешил открывать глаз, сильно ломившая голова не дала бы мне возможности справиться с противниками в честной борьбе, к тому же, судя по словам, я вскоре понял, что они лишь намеревались перенести меня в мои покои, не причиняя вреда. Один из них, тот самый, что удушил меня, нахваливал ядовитый раствор Либиха, который посчастливилось тут же проверить на деле. Он сетовал лишь на то, что чересчур ядрёная порция совершенно лишила меня сознания, в то время как он ожидал лишь частичного беспамятства, с тем, чтобы расспросить жертву о её миссии.

– Хотя документы убедили Владимира в том, что князь обманывает его, но главной бумаги, позволяющей завладеть наследством, всё же не достаёт, – узнал я из его слов.

– Из чего следует, – отвечал второй, – что молодой повеса удвоит свои усилия. Я опасуюсь только одного. То компрометирующее Владимира письмо, с предложением свидания, отправленное дочери князя – не скомпрометирует ли оно тебя самого в глазах Артамонова? Он понял, что ты ведёшь двойную партию.

– Он без сомнения узнает мой почерк. Это сделано с умыслом. Владимиру настала пора убедиться, что ему предстоит беспрекословно следовать нашим планам, самому став их частью.

Сказанное насторожило меня вдвойне, даже сравнительно с моим собственным угрожаемым положением, которое вскоре представилось мне из дальнейшего незавершённого диалога. Я никак не мог уразуметь, кто же из них главенствует, но некоторые намёки позволяли предполагать, что заговорщиков насчитывается более, нежели эти двое.

– А что ты предполагаешь делать, когда *этом* – узнает тебя?

Мне стоило огромного труда не выдать себя учащённым дыханием или невольным напряжением мускулов.

– Лица моего он не мог видеть, – последовал ответ. – Голос он узнает навряд ли, если не услышит меня по-французски. Если он последует моему совету убираться в Одессу – прекрасно, но действие неиспытанного раствора может оставить и некоторый провал в памяти. Так или иначе, я понаблюдаю за ним, и если его поведение поставит под угрозу наше предприятие, приму меры решительного свойства.

Ввиду слишком тяжёлой головы все прозрения и подозрения я оставил до другого дня, а как только тело моё опустили на кровать, снова провалился в забытьё.

Утром погода не улучшилась, но ветер стих, и низины окутывал туман.

За завтраком Прозоровский ещё раз представил мне своих коллег, теперь уже в подробностях поведав, кто и какую роль играл в создании собрания. Какие-то лица повторялись, появились и новые, всего их оказалось больше, чем присутствовало на вчерашнем ужине, и оставалось только гадать, сколько же всего работников трудится над коллекцией князя. Двое французов, немец, грек, голландец и трое соотечественников – это всё, что я смог сосчитать, пока не сбился. Имена путались в голове моей, через минуту начисто улетучившись, так что кроме Евграфа Карловича я никого не смог бы назвать без ошибки – хорошо ещё, что к завтраку вышли не все. В числе отсутствовавших я нашёл и Артамонова, по взглядам которого рассчитывал уловить тайные движения душ ночных сообщников. Я внимательно, но осторожно

присматривался к этому своеобразному круглому столу рыцарей госпожи удачи, стараясь не возбуждать ответных подозрений, и не задавал вопросов, кроме диктовавшихся обыкновенным этикетом, но не сумел определить среди них моих неприятелей. Не скажу, что я боялся их, но всё же мне, гостю, противостояние неизвестному количеству врагов, прижившихся в этих родных им стенах, требовало холодного расчёта. Они отвечали бодро, и громкие голоса несколько не подходили к шептаниям во тьме спящего дома, а их напряжённый русский звуковой ряд скрыл все особенности произношения французских ночных угроз. Несмотря на обилие и разнообразие кушаний, моё нервное возбуждение от ночных впечатлений не оставляло аппетита совершенно места, и я удовлетворился двумя бокалами прекрасного вина, кофе и икрой, что придало мне сил для новых изысканий, и я с удовлетворением отметил, что головная боль оставила меня совершенно. Князь же, вместе со своими помощниками, привычный ко всему, откушал гораздо плотнее.

Не знаю, на кого я злился больше: своего вероломного противника или самого себя, не ко времени утратившего осторожность и не справившегося с нападавшим. Честь моя оказалась серьёзно задета, никому не позволял я такого с собой обращения. Можно, ах, можно выявить негодяя, поймать его за руку прямо сейчас (у меня родился надёжный метод опознания!) стоит лишь решительно потребовать собрать всех, кто жил в доме... Одно лишь останавливало мой праведный гнев, теперь я понял, какую тревогу вселили в меня ночные слова: я опасался за княжну. Что, если действия обернулись бы по-иному, и на моём месте оказалась она? Ведь, в сущности, Анна была совершенно беззащитна перед злой волей, оснащённой к тому же молниеносным ядом Либиха. Зачинщика я уличу, но есть и сообщники, могущие отплатить невинному. Ещё недавно сетовавший на судьбу, теперь я искренне радовался близкому отъезду княжны в вояж.

Ожидая, что рано или поздно мой недруг выдаст себя, я отложил до поры клокотавшую во мне месть и завёл невинную беседу с князем.

– Недолюбивая Бларамберга и Стемповского, что же, вы совсем не знакомили их с вашими открытиями?

– С отдельными экспонатами только, в силу того, что ископаемые звери вызывают у них приступ мигрени. Они интересуются творениями рук человеческих, а я преклоняюсь прежде всего перед гением Творца истинного, – очертив в воздухе полукруг, он повернул ладонь бутонном пальцев вверх.

– Странно всё это... – сказал я.

– Что же в этом странного, право? – перебил он. – Рыщут по округе на деньги казны, ковыряют, что поближе лежит да подороже стоит. Славу добывают в заграничных академиях.

– Но Кёлер и вправду не даёт вздохнуть здешним дилетантам, двери для них в Петербурге закрыты, приходится обращаться обходным манёвром в Берлин. Обвинил ложно Стемповского в подлоге каких-то монет, малейшие ошибки в фактах превозносит до небес, или, лучше сказать, опускает до преисподней. А учёный имеет право заблуждаться в мелочах, да и не только – без опасения оказаться поруганным.

– Но чем они от вашего Кёлера отличаются? Только тем, что тот в Северной Пальмире музейный король, а они в Южной.

– Прошу меня простить, странность видится мне вот в чём. Студентом представлял я сообщество учёных эдакой башней слоновой кости, где все науки как сообщающиеся сосуды, а все знания служат строительству единого здания. А на деле хрустальный дворец обернулся вертепом, где неприязнь, корысть и бездарность чередой стремятся править какой-то камарильей, вместо того, чтобы среди равных наслаждаться гармонией бала под струнами небес. Кёлер презирает Бларамберга, тот сторонится вас, Стемповский ищет признания за границей, вы всех их избегаете. Но мне чужда такая разобщённость. Я уважаю и ценю труды каждого в своей сфере и, смею надеяться, сам кое-чего достигну в науке.

– Тогда вы счастливый человек, – заключил князь весьма прохладно. – Но это ненадолго. Юношеские порывы придётся оставить. Придёт час, возможно скорее, чем вы думаете, и вас начнёт раздражать всё, что стоит чуть в стороне от собственных идей. И раздражать тем больше, – он назидательно упёр палец в стол, – чем ближе будет соотноситься. Но куда есть возможность впитывать – изучайте. Я же – дам вам достаточно пищи, только успевайте переваривать. Глядишь – и заполните собою седьмую сферу, куда так спешно метите.

Сполох белого муслина платья княжны, скользнувшего в проходе, заставил меня обернуться, но чарующее видение уже исчезло. Ах, как хотелось бы мне, чтобы сейчас сидела она за этим столом, внимая моим речам.

– То есть вы не приглашали к себе Ивана Павловича?

– Какое! От него просились, да я уклонился. Да не во вражде я с ними, – поспешил уверить он, – мне сейчас недосуг ни с кем воевать. Я тому год, как видел Стемпковского, так прослушал курс часа на три, сам же при этом не проронил ни слова. Иван Павлович приезжал до вас, да я сослался на отлучку, и вправду врать не пришлось, находился в раскопках, даже на ночлег не возвращался – у меня там избушка на сей случай имеется. Благо, он предупредил загодя, мы смогли подготовиться, – усмехнулся он широко. – Но Евграф Карлович принимал его, а чтобы он не больно серчал, я подсунил ему одну странную вещицу, через некоего человека, Игнатия Карнаухова, который на меня работал, да оказался негодным: за мной же шпионил... М-да, хорошо, что сам сбежал. Крал у меня находки, чтобы потом продать. А возможно, что и наушничал.

– Что же за предмет? – насторожился я.

– Видится мне чрезвычайно примечательной находкой: камень со знаками, каббалой пахнет, уж музейные архивариусы лучше меня с ним справятся...

Я спросил, с чего он решил, что камню найдётся место в музее, на что князь ответил, что Бларамберг не упустит возможность купить редкий эпитаф, что же до вора, то он усилиями Евграфа Карловича находится в убеждении, что за предмет только музей и сможет предложить большую цену. Что есть правда, ибо ни один частный собиратель не заинтересуется чересчур странной и непонятной скрижалью.

Не мог я ответить себе, почему ни тогда, ни позднее не рассказал я Прозоровскому – нет, даже не о том, что присвоил себе его находку, а о том, что видел почти такую же у Ведуна. Впрочем, разве это могло изменить то, чему парки уже сплели свои тенета?

– Что же в нём примечательного? – только спросил я, с трудом скрывая нетерпение, когда Прозоровский замолчал.

– Неоткуда тут таким письменам взяться, – ответил он. – Впрочем, об этом после, покажу, где нашли его.

– Думается, Иван Павлович ворованное покупать не станет, – несколько разочарованный, вступился я, обладая в этом утверждении верной истиной.

Хорошего же он себе почтальона выбрал – из вора, с укором подумал я о князе. И всё это из-за того, что чванство и гордыня не позволили ему лично испросить содействия у такого же учёного. Надо же! Дом полон жирующих предателей, а он отказывает честному человеку, проделавшему ради него немалый путь.

– И я полагаю в нём чистоплюя, но на такую реликвию не он, так работники его в музее клонут, уж попомните.

Мы беседовали с видимостью спокойствия, но с лица князя не спадала маска озабоченности, а с моего – лицемерия. Я твёрдо решил оставить покражу у себя, раз уж Прозоровский сам отослал её, а Игнатий, кажется, намеревался найти покупателя пощедрее Одесского музея.

– Не хотите ли вы создать у себя кружок просвещения и науки? – поинтересовался я. – Ваша работа заинтересует лучшие умы со всего света.

– Мечтал об этом когда-то, – князь помрачнел и замолчал на минуту. Я не торопил его, видя, что он делает над собой усилие, преодолевая нечто, мешавшее ему говорить. – Мечтал до тех пор, пока неумолимый рок не толкнул меня осушать Арачинские болота.

Его ладонь твёрдо ударила по столу. Трапезу быстро кончили. У всех было понурое расположение духа.

– К чему рассказывать. Едем, скоро сами увидите.

Швейцар вынес мне макинтош, такой же, в какой оделся и князь, что оказалось кстати под сыпавшем с неба нудным дождём. Наряд довершили кожаные кепи, и после уж нас было не отличить от настоящих англичан, чему наместник, закоренелый англоман, доведись ему часом зреть нас, оказался бы несказанно рад.

7. Дамба

Мягкие рессоры просторной кареты Прозоровского, обустроенной как настоящий рабочий кабинет, позволяли без труда предаваться чтению, а князь умудрялся ещё и карандашные заметки делать в каких-то бумагах.

Разглядывая за столиком гордость топографических изысканий князя – карту его обширных владений, на которой ближний затон болота отстоял от имения на семнадцать вёрст, я размышлял о происшествии, в которое так нелепо угодил. На многие вопросы стоило попробовать получить ответ у самого хозяина. Начал я издали, рассудив, что жаловаться на неподобающее отношение к себе со стороны удалых его жильцов означало прежде всего навлечь на себя подозрения как на лазутчика, шныряющего ночами по дому и выслеживающему обитателей.

– Я не заметил никого из ваших коллег, кто бы грузился в другие экипажи. Они не едут сегодня, потому что вы устраиваете экскурс ради одного меня?

– Не сегодня – никогда. Я не позволяю им участвовать в раскопках, – неожиданно отрезал Прозоровский. – Орудую с мужиками, бывшими солдатами, да с казаками, они народ и простой и смелый, лишней дури в головах не держат. Впрочем, для благородных есть у меня одно исключение – Евграф Карлович, но он последние недели занят чрезвычайно важной реставрацией. Дело всех прочих – кости и другие находки. Инженеры заняты проектом нового осушения, выше первого. А если возьму в раскоп – ещё разбегутся, чего доброго. С кем же работать?

– Чего же могут испугаться эти люди на болотах? – спросил я, сам не зная, кого имею в мыслях: смелых солдат или его работников из разночинцев.

– Того, что золота там нет и в помине. Воры, – огорошил он меня, смеясь. – Не все, но половина – точно воры. Но не простецы, а с художественным вкусом, знают моду на антики! А особенно, конечно, на золото! – расхохотался он. – То в любой сезон в моде. Но я не собираюсь заявлять на них, о, нет, нет! Грабители курганов – чрезвычайно полезные персоны, если подходить к делу практически. Но приходится мириться с их дурными наклонностями.

– За завтраком вы откровенничали о человеке, обокравшем вас. То есть сообщили им...

– Прекрасно, и это чистая правда, – прервал он меня, – но о чём же сообщил им я? Пускай теперь поломают головы, есть ли ещё кто у меня под подозрением, или напротив, можно бы им успокоиться, поскольку единственная паршивая овца якобы доброго стада выявлена. Если нет кости, чтобы кинуть своре – вы улавливаете каламбур? – то хоть подразнить эту братию нахлебников я могу. Я не натравливаю их, но пусть-ка приглядываются, и друг на друга думают.

– Хм, – заметил я, изображая недоверие, – не больно-то радовался господин Дебрюкс, когда за одну ночь такие вот прохиндеи расхитили ценности Куль-Обы. Один из них вернул часть находок, но остальные растворились. Грек Дмитрий Бавро – он к вам, случаем, не нанимался? Не бойтесь, пока вы в отлучке, они музей-то ваш свезут к морю?

В который уж раз мне пришлось примерить на себе колючий взгляд князя.

– По мне, – съязвил он, – так вы более опасны, чем они вместе взятые. Их низменные цели поэтичны, подлые порывы бесхитростны, а грязные души прозрачны на полвершка вглубь, чего достаточно, ибо большей глубины в них и нет. Ваша же осведомлённость даёт пищу сомнениям. Откуда вам про Куль-Обу известно, если и мне ещё не донесли? Впрочем, не отвечайте. Догадываюсь. А хоть бы и так. Каждый должен заниматься своим делом, смотритель соляных озёр – за солью приглядывать, а не в курганах ковыряться. Если это правда, то тем более складно, что я не подпускаю лишних людей к раскопкам. И паче того – к находкам.

– Что же здесь складного? – я не стал объяснять, что новостями намерен снабдил меня Бларамберг, – разве на болотах обнаружены предметы обихода, украшения, утварь, оружие?

– И в помине нет! А складна – моя история, в которой нет ни слова лжи, но в которую они не верят, полагая апокалипсический сюжет лишь прикрытием настоящих находок – драгоцен-

ностей. Я говорю о последней битве и даю им задания по реставрации разных звериных скелетов, они же полагают, что вожу их за нос этой выдумкой, сам тем временем добывая золото скифов. Им невдомёк, что всё это – суцая правда, но пока они живут ожиданиями презренного металла, то исправно делают свою работу, а коли узнают, что его нет – свищи их. Да и Дебряксу вашему польза – от него подальше их держу.

Я в душе обрадовался. Наконец всё сходилось, объяснялось с изящной простотой, до которой наш изошрённый ум доходит обыкновенно в последнюю очередь. Князь же не умолкал:

– К наместнику побегут должностей просить, или к тому же Стемпковскому. И ведь получают. Кого только за последние годы мы ни приютили в этих краях! У меня мирно уживаются роялисты с бонапартистами, а ещё – сербы, арнауты, гемуэзцы, немцы. Греки: и старые – и новые, бежавшие от ужасов Хиосской резни. Половина наций Европы нашла тут дом и прибежище, а у себя там – либо сами кого-то гнали, либо гонимыми были. И герцог Ришелье правильные усилия положил, чтобы привлечь их торговать и жить в порто-франко. Помяните моё слово: не пройдёт и года, как новые волны прихлынут к этим гостеприимным берегам. Нынче зывать уж не надо: сами доплывут.

У заставы, где статные молодцы учинили досмотр всем бричкам, делая исключение для нашего экипажа, мы съехали с большака и покатали дальше по дну широкого оврага. Оставалось недолго; я подумал, что дело охраны поставлено у князя прочно, и умыкнуть у него находку так же трудно, как и из Кремля. Поначалу я принял старое русло за твёрдую дорогу, но потом догадался, что мы движемся извилистым путём в сухих берегах. Впрочем, радость моя оказалась преждевременной, вскоре нам пришлось покинуть удобную стезю, и уж тогда мы помучались в бездорожье, размытом к тому же до грязи противным дождём.

Князь поведал, что в древности река текла в другом месте, но после катаклизма русло изменилось, превратив старицу в топь, питаемую лишь дождями да ключами. Евграф Карлович предполагал, что поток запрудили с умыслом, чтобы залить всю низину, а уж потом вода сама нашла другой исход. На мой вопрос, кому могло понадобиться заболотить долину, он лишь хмуро ответил, что, имей он ответ, остальное решилось бы само собой.

Всё же в полдень мы стояли в местности, унылый вид которой я не могу вспоминать без содрогания. Казалось, что все радостные ландшафты этого обширного края существуют в своём благообразии лишь благодаря тому, что здесь для соблюдения закона равновесия собралась странная необъяснимая грусть.

Повсюду, насколько мог я различать в туманной дымке, расстилалась водная гладь, утыканная, словно шахматными фигурами, большими округлыми валунами. Никакой даже самой чахлой растительности взгляд мой не приметил, впрочем, видимость простиралось шагов разве на сто. Сажень в тридцати от сухого места, где мы остановились, возвышалась широкая круглая башня, уходившая основанием под воду, а сильно разрушенной верхушкой превышая втрое мой рост. Часть работников принялась разбивать походный лагерь и готовить обед, мы же с князем медленно отправились вдоль берега к временному дощатому бараку, подле которого кверху дном лежали лодки.

– Что за блажь привела вас в эту юдоль? – еле ворочая языком, вымолвил я.

– Болота прекрасно сохраняют останки, не хуже мерзлоты Сибири, в которой находят мамонтов, и не только окаменелые кости, но и внутренности, и шерсть. Помните, вчера я показывал находки Палласа? Мне удавалось извлекать иной раз целые, нетронутые экземпляры небольших особей, чаще – современных нам, но случались и удачи, так что я описал несколько вымерших видов, неизвестных дотоле натуралистам. Эти болота имеют весьма древнее происхождение, об этом говорит геологическое сложение того русла реки, по которому нам так удобно было ехать, посему я и рассчитывал отыскать немало замечательного.

– То, где мы стоим – дно бывшего болота? Ни травинки, ни деревца. Эти ямы – следы ваших копателей?

– Вы сделали верное предположение; понимаю, вам не по вкусу эта пустыня после моих кущей, но таковы и медицинские изыскания, когда приходится вскрывать мёртвое тело. Представьте себе, если где-то чего-то убудет, то в ином месте прибавится. Мои сады удобрены здешним илом ещё при дядюшке, царствие ему небесное. Будь погода ясной, вам открылось бы куда более жуткое зрелище...

– Полно вам, Александр Николаевич, у меня, признаюсь, и так кровь в жилах стынет.

– Ведь стоим мы на дне обширного кратера, – продолжал он бесстрастно, – уровень болота был выше нынешнего, укрывая башню. А растительности тут предостаточно, и буйная она, как нигде, она и сейчас такая в нетронутой части. Ещё мой дядя драгами расчистил трясину до чистой воды, но отвести её досуха не сумели. Глубина тут невелика, и двух аршин не будет, но дамба даёт течь, а подземные ключи постоянно сочатся. Хляби небесные пополняют озеро в свой черёд. Работы не ведутся второй день из-за дождя, но всё же края болота годятся для раскопок, и под толстым слоем наносов скрыто нечто. Запомните, Алексей Петрович, – растягивая слова, словно патоку, прошептали его губы, – любая истинная история имеет тройное дно...

Я постарался не заметить его неприятной улыбки.

– Но ведь неспроста же ваш дядюшка заинтересовался местами болот. Одним советом Ведуна, простите, тут не обошлось. Что-то ведь послужило толчком к тому.

– И вновь вы зрите в корень. Болота, как вы догадываетесь, что-то вроде живого организма. Они дышат, питаются, претерпевают циклы в развитии. Время от времени какие-то части их освобождались до воды, и люди наблюдали в глубине каменные строения, а в сухие годы кое-где обнажались верхушки валунов или башен. Некоторые места и вовсе более похожи на озеро, там ловят рыбу, а сети цепляют обломки. Но в этом винули древний затопленный город. А древних городов здесь, повторяюсь, несметное число.

– Насколько велики топи?

– Немалы, тянутся вёрст на двадцать отсюда, и поперёк ещё пять, но пока доступна только верхняя часть.

Мелкое озерцо покоилось мертвенно и тихо, дождь на время перестал, казалось, лишь для того, чтобы безупречно отражавшиеся в его зеркальной глади каменные глыбы обрели какой-то смысл в моих глазах. Я сказал об этом князю.

– Желаете, подплывём, – отозвался он.

Он подал знак, и двое бородатых мужиков с нескрываемым неудовольствием перевернули одну из лодок и стащили её в воду, породив никчёмный плеск в тишине, от которого по коже у меня пробежали мурашки.

Всё во мне сопротивлялось этому, но я решился, и как сомнамбула ступил на плоское дно челнока вслед за князем. Тотчас же молодцы оттолкнули её шестами, и мы заскользили в тумане и сумраке, порождая больше воздушных колебаний, чем сама природа. Вскоре уткнулись мы в одну из глыб. Вблизи она выглядела куда мощнее, чем казалась с берега. Её поверхность местами облетела уже от болотных наслоений, но на большей части они всё ещё скрывали её тайны.

– Что это за валун? – спросил я тихо, но ответа не услышал, впрочем, князь мог и не расслышать моих слов.

Я осторожно провёл рукой по сухой бурой корке, и она чешуёй осыпалась с камня, обнажив замысловатые руны на желтоватой поверхности, в которых разобрать что-либо не представлялось возможным.

– Вы видели? – спросил я, обернувшись к нему. – Здесь что-то начертано.

Прозоровский кивнул:

– Теперь вы понимаете, что за проклятое наследие досталось мне от отцовского брата. Он потратил шесть лет и почти все сбережения, стремясь добраться – не до разгадки, нет! Хотя бы до загадки болот, но так, к счастью, и не преуспел. Однако в этом преуспел господин Кауфман, которого выписал я из Голландии. Все отговаривали меня, но дядина страсть передалась мне, и я уж не мог остановиться.

– Почему все так опасались этого? – спросил я, но поймал недоуменный взгляд князя. – Впрочем, нет, я понимаю. Суеверия... имеющие некоторое основание... Я спрошу иначе: ведь никто же не знал, что таится под слоем тины? Или всё-таки?..

– Нет. Это суеверия, как вы изволили выразиться. Только правда оказалась хуже.

– Кажется, там есть очищенные камни?

– Да, некоторые мы осмотрели, впрочем, бегло.

– Задам вопрос, который меня занимает: вам удалось прочесть эпитафии?

– Нет, и, полагаю, это невозможно без некоего стороннего ключа. Они скверно сохранились, и, скорее всего, несут... церемониальный смысл. Я встречал разнообразные начертания в некоторых курганах, раннего периода. Их расшифровали. Такая сплошная круговая надпись, это... заклинание.

– Заклинание?

– Да, – подтвердил он с видимой неохотой, не распространяясь о подробностях.

– Кто же сделал это, и с какой целью? – постарался остудить себя я. – Здесь можно насчитать более сотни глыб, а осушаемый участок так мал...

– Восемьдесят три. Сейчас многие сокрыты дымкой.

– Этот участок болота был избран вашим дядей намеренно?

– Случайно, он ближе всего к усадьбе.

– Если предположить, что болота равномерно скрывают под собой такое же, то...

– Круглым счётом десять тысяч, – спокойно закончил Прозоровский.

И тут я, сам не ведая, зачем это говорю, а скорее просто под влиянием атмосферы и миазмов загадочного озера, в попытке успокоить себя воскликнул:

– Но никакие заклинания не имеют силы!

– Это знаем мы с вами, но чертившие их могли верить во что-то иное, – ещё более хладнокровно ответил он. – Впрочем, таково мнение лишь одного нашего галльского коллеги. Я же, желая хранить беспристрастность, не сделал для себя окончательного вывода. – Подбадривая себя, один из гребцов с громким харканьем плюнул в воду. «Нечистая сила», – пробормотал он.

Мы подплыли к меньшему валуну, уже отёртому с верха до воды. Только стоя в рост, я мог сравняться макушкой с его вершиной. Весь он был испещрён знаками.

– Да, разобрать что-либо нелегко. Видно лишь, что поверхность прежде обработали, и я могу с некоторой осторожностью заключить, что камни перемещали сюда.

– В этом у меня нет сомнений. Неподалёку есть выходы породы, похожей на эту.

– А можно ли проникнуть в ту башню?

– С известной осторожностью – милости прошу.

Я попросился в башню только потому, что мне хотелось держаться ближе к берегу, хотя не два аршина глубины пугали меня. Что-то незримое витало в атмосфере, какой-то печальной тревогой пронизан был целиком видимый круг вещей.

С одной из сторон свисала добротная верёвочная лестница, прилаженная так удобно, что мы с князем в минуту оказались на вершине, а вернее, на одной из площадок винтовой лестницы, которая одним концом уводила под воду, другой же её край обрывался прямо у наших ног.

– Судя по всему, кладка кончалась выше.

– Верхний этаж обвалился. Я полагаю, что до разрушения они обозначали что-то вроде рубежа. Или служили капищами для ритуалов.

– Так их много?

– Я предположил следующее: странно, наугад ткнув пальцем в небо, угодить на важную находку, сходной с которой нет. И, простите за неуместный здесь каламбур, как в воду глядел: вскоре нашлись ещё две, они хуже сохранились, и выступают из воды не столь значительно. А ведь и осушена только мизерная часть. Кстати, именно у подножия этой башни найден предмет, что я отправил Бларамбергу несколько причудливым маршрутом.

В этот самый миг какой-то редкий порыв ветра на мгновение сдул молочную пелену с коричневой лагуны, и я вздрогнул от открывшегося мне величественного и ужасающего зрелища: повсюду, насколько хватало глаз, словно истуканы или воины стояли эти однообразные и ровные камни. Догадка, явившаяся мне, как только увидел я болото и которую отгонял доселе, вновь возникла в моём разгорячённом мозгу с такой силой, что я содрогнулся.

– Это некрополь?! Валуны напоминают надгробия, только чрезвычайной величины. Но кто похоронен здесь? Кто соразмерен этим камням?

На лице князя растянулась усталая зловещая улыбка.

– Это легко узнать, – ответил он, движением ладони предлагая спуститься обратно в лодку, и скомандовал гребцам: – К берегу. Сперва обедать, а после – к раскопу.

Портвейн заметно согрел мои внутренности, но не влил веселия в душу.

– Я поначалу полагал вас археологом. После вы огорошили меня своей зоологической коллекцией. Теперь – не знаю, что и думать.

– Отнюдь, археология – страсть дядюшки, моя же – доисторические виды. Но, как он искал черепки, а наткнулся на пластины с ящерами, так и я совершил обратное. Это произошло случайно, если случайностям вообще приличествует место в Божьем мире. – Брошенная небрежно салфетка его, описав замысловатый пируэт, легла в точности на угол белоснежной скатерти.

Обед оказался тем более кстати, что я почти не завтракал, ожидая совсем иного приключения. В шатре мы немного обсохли у медной походной колонки, какие применяли в войну ещё французы. А вот кулинарных рецептов я, как ни стараюсь, вспомнить не могу, ибо все мысли мои тогда поглотили новые впечатления.

– Каков же был этот труд – тех, кто вырубил и установил эти монументы, а после испещрил их надписями! Сколькими годами и даже столетиями, каким количеством работников можно исчислить эти титанические усилия? Какова бы ни была их конечная цель, она не видится мне равнозначной такому творению, впоследствии ещё и сокрытому под водами!

– Значит, цель того стоила, – сухо ответил на это князь. – Полагаю, вы не посещали Египта. Иначе по-иному смотрели бы на предприятия такого сорта. Пирамиды Джизы поражают воображение всякого, и нам, живущим сейчас у своих скромных погостов, невозможно постичь, как возможно даже ради величайшего из правителей воздвигать погребальные сооружения, на которые расходуются все государственные и людские силы. А ведь то, что может созерцать там современник, лишь жалкие остатки некогда бывшего великолепия – сверкавшего в лучах Солнца конуса, облицованного полированными плитами... От Яффы до Каира шесть дней пути морем и вверх по Нилу на барке, не премините заглянуть.

Мы вышли на берег в полуверсте от места, где стояли лошади, за пеленой мороси и скользящими по воде испарениями они скрылись совершенно. Стало ещё более промозгло и зябко, чем поутру, дождь усилился. Но меня бросило в дрожь, когда, сделав несколько шагов и перевалив через невысокий гребень песка и слежавшейся глины, я заглянул в жуткую воронку раскопа. В лужах воды там и сям лежали поваленные валуны и проступали кости.

– Это же люди! – воскликнул я в негодовании. – Вы раскопали могилы?

– Этим, как вы изволите выражаться, могилам, не одна тысяча лет, – в тон холодному дождю парировал он. – Если принять скорость илистых отложений за постоянную величину,

около шести тысяч. Впрочем, кое-какие другие признаки отдалают время действия на меньшую дистанцию.

– Но эти надгробья делают, кажется, могилы вовсе не безымянными.

– Возможно я и согласился бы, но учтите: и могилы фараонов подвергаются исследованию, здесь же дело куда загадочней. На семь больших валунов приходится дюжины полторы или две человеческих скелетов, ведь сейчас на поверхности мы видим лишь часть.

– Что же из этого следует? Рабы построили этот некрополь, но сами погибли от непосильного труда и остались тут же в земле?

– Это спорно, но ясно то, что здесь похоронены и те, кому воздвигнуты монументы.

– И вы, смею предполагать, нашли их, – усмехнулся я. Мне не понравилась уверенность, с которой князь изрёк своё «ясно». Ведь мне это совершенно не казалось столь уж очевидным.

– Да.

– Кто же они? Знать, богатые члены общества? Впрочем, вряд ли, иначе не обошлось бы без золота. К тому же их количество заставляет думать об ином объяснении. Вы сопоставляли эти останки с раскопанными в скифских курганах?

– Они различны. Учтите, мы далеко от мест обитания, приписываемых скифам...

– Триста вёрст – не слишком большая дистанция на равнине. Влияние культуры не могло не иметь места.

– ... но, что надёжнее, мы удалены не столько в пространстве, сколько во времени.

– Возможно, и всё же это не объясняет, почему там над склепами и могилами возвышаются холмы, а здесь захоронения покрывает болото? В этих краях нет землетрясений, перемещающих горы на дно морское.

– Это – не объясняет, но кое-что другое... Терпение, прошу вас. Я хочу, чтобы вы следовали путём рассуждений, но ни в коем случае не чужих, в данном случае моих, выводов.

– Вы хотите, чтобы я следовал путём ваших рассуждений и пришёл к вашим выводам, – не мог не заметить я. – По тому, как вы делаете представления, к другим прийти будет и невозможно.

– Ошибаетесь. У меня нет строгих выводов, иначе я не звал бы в помощь столичных светил.

– Вы что-то нашли под камнями, – напомнил я, теряя терпение, к которому так призывал князь. – Или кого-то.

– И что-то и кого-то. Туман усиливается, – вместо ответа сказал он. – Скоро здесь всё затянет. Нам пора возвращаться. Пока доберёмся – и вовсе стемнеет. Так или иначе, все находки уже у меня в имени.

Но в этот самый миг мы услышали издали три выстрела подряд, а после и отчаянный вопль, достигший нас сквозь мглу, хотя кричавшего не было видно:

– Дамбу размыло! Спасайся! Верхнюю дамбу прорвало!

Князь схватил меня за руку:

– Не в лодку! Кругом! Так скорее. Не то нас смочет.

– Что, что произошло? – спрашивал я уже на бегу.

– Размыло верхнюю дамбу! Значит, скоро вода достигнет нижней, вал перекатится и будет здесь через семь, много – десять минут. Зависит от того, как долго выдержит вторая плотина до полного обрушения. Она не строилась в расчёте на такой напор. Волна будет нешуточной.

– Такое случилось?

– Бывало однажды, и тоже, конечно, в ливень, но вода стояла много ниже, и раскоп пустовал. Но сегодня мы оказались в самой середине. – Бегите к башне! – скомандовал он, Впрочем, зря. Мужики и так припустили вовсю.

– Не лучше ли прямо к каретам?

– Этот берег – исчезнет! Помните, что я говорил, всё это – бывшее дно! А до старого края мы не успеем ни так, ни верхом. Надеюсь, сигнал там слышали, и уведут лошадей.

Рёв надвигающейся воды звучал тем ужаснее, что за туманом ничего нельзя было различить. Сначала поверхность болота покрылась рябью, но скоро страшный треск возвестил нам о прорыве плотины. Волну я увидел, когда, задыхаясь, запрыгнул в лодку. Казалось, что она накроет нас через мгновение, что нам не дано достигнуть спасительной башни, но оказалось ещё хуже. Зрительный обман послужил причиной моей ошибки, волна оказалась гораздо дальше, давая нам надежду, но она тем самым была и значительно выше, напрочь повергая весь мой опыт о виданных когда-либо водяных валах. Она накатывала, сжимаясь в сужающемся затоне, отчего ещё более угрожающе вздымалась с краёв, порождая отчаянный гул, грохот, гром. Я в ужасе наблюдал, как некоторые огромные валуны выворачиваются под гнетом волны. Князь, несмотря на свой возраст, добежал раньше и уже подавал мне руку, гребцы навалились, и через считанные мгновения, показавшиеся вечностью, лодка стукнула кладку башни. Сверху работники скинули ещё верёвок, мужики с матросским проворством вскарабкались по ним, споро перебирая ногами по стене, пока мы с Прозоровским решали, кто кому уступит право занять лестницу. Он прикрикнул, я вскарабкался уже наверх, когда он добрался лишь до половины. Дно вдруг совершенно обнажилось, и вода под нами, словно сама испугавшись бедствия, будто начала съёживаться и откатилась, жадно пожираемая грядущим следом и всёвозрастающим валом. В последний миг я крикнул:

– Хватайтесь! – но никому и не требовалось команды. Призывая милость Божью, мы рухнули для обретения устойчивости на колени, цепляя друг друга и упираясь в кладку, и в тот же миг нас ударила и накрыла могучая плотная субстанция.

Через минуту, лишь только я, откашлявшись, смог открыть глаза и приподнялся, то обнаружил всех в целости, и бросился к краю, пока нас не достигла следующая волна. Князь сорвался с лестницы и с трудом держался на kloкочущих бурунах около башни, но то, что я увидел, заставило меня пренебречь собственной опасностью. Сзади надвигалась брошенная лодка, грозя раздавить или потопить его своей тяжестью. С решимостью, опередившей расчёт разума, я прыгнул в неё, надеясь своим движением сбить её с губительного курса, но преуспел лишь немного. Бушующие волны мощными раскачиваниями по-прежнему грозили разломить голову Прозоровскому о монолит башенной стены. Он видел уже страшную угрозу, один нырок мог бы переменить его участь, но надувшийся плащ, так удачно спасавший его от потопления, сейчас превратился в роковую обузу, мешавшую всякому движению, способному отвратить неизбежный рок. Когда казалось, что катастрофа неминуема, я всё-таки изловчился и притопил его подвернувшимся под руку веслом, пихнув голову под днище лодки, и почти одновременно она разбилась в щепы о преграду, выбросив меня вон, как из седла дикого жеребца.

Второй большой волны так и не случилось, нам с князем, совершенно обессилевшим и нахлебавшимся дрянной жижи, пришлось лишь перебирать руками ступени лесенки, меж тем как быстрый подъём уровня болота доставлял нас к вершине. Спустя пять минут и сама вершина башни скрылась под водой; потирая сильно ушибленное плечо, я обозревал всех стоящими по колени в воде посреди безбрежного озера, где не предвиделось ни брода, ни надежды.

– Все ли здесь? – отдышался князь, стирая кровь, струившуюся ему на глаза. – Прочие лодки, конечно, унесло... Если кучера успели лошадей увести, то к полуночи подмогу пришлют.

Первое время холода мы не ощущали, по причине нервного потрясения, но уже через час у нас зуб на зуб не попадал. Вдобавок стало смеркаться. Чтобы как-то согреть себя, мы пытались приплясывать на крохотном пятачке, сбившись потеснее в кучу, а мужики во всю мочь голосили о помощи.

Когда стемнело, мы увидели исходящее из воды прямо под нашими ногами дрожащее фиолетовое сияние. Слабое свечение, заглушаемое не осевшей ещё мутью, шло только из некоторых мест, отмеченных, как показалось моему вконец расстроенному воображению, затонувшими башнями, и вряд ли кто из нас в повисшей гробовой тишине не ощутил в те минуты зловещего ужаса этих чудовищных болот.

Вот так и рождаются легенды о землях, которые пожирают людей: но это я думал уже после того, как часа за два до полуночи к нам подплыли две наспех залатанные лодки, и первым делом пустили мы в кругу штофную флягу с ромом. Среди спасателей бойким рулевым увидел я и Прохора, который между командами не преминул шепнуть мне о своих предчувствиях и предсказаниях: «Поела земля людишек-то, и барин и чернец – без разбору легли-с...»

Хоть в доме нас ждала добрая парная и горячий пунш, весь следующий день пролежал я в тяжёлой горячке, обложенный грелками и осушая кружку за кружкой чай с имбирём, гречишным мёдом и малиновым вареньем. Прозоровский с извинениями прислал мне бутылку восхитительного коньяку, но, испив одну только рюмку, я погрузился в долгий целительный сон.

8. Загадки

Лишь под благотворным влиянием вновь появившегося солнца, чуть развеявшего тоску, лихорадка убавила жар, и пошёл я к исходу другого дня на поправку.

Трижды заявлялся ко мне Прохор, каким-то невероятным образом проникший в господский дом в качестве то ли моего слуги, то ли посыльного. Всякий раз он приносил что-либо съестное и с виноватым видом располагался в проёме, но уже спустя минуту выражение его торжествующе вопило: «что же, предупреждал я тебя-с!» Однако вместо этого слышал я его расспросы о здоровье, и не болит ли что внутри, нет ли кашля или чёрной мокроты, потому как помершие работники, дескать, страдали внутренним жаром и исходили гнилостными кожными пятнами. Я, зажмуриваясь от отвращения, махал на него, и он исчезал впереди своих тяжких вздохов.

– Надо бы мне вертаться-с, – почесав затылок, вывел он, явившись в четвёртый раз с отваром ромашки, и сперва, как водилось, покряхтев о моём недомогании. Опекой своей он до того надоел мне, что твёрдо решил я выздороветь не позднее его ухода.

– Плохо разве тебе здесь? – я сразу раскусил его намерения.

– Отчего же! – живо воскликнул он, но после приуныл и повторил: – Надо бы ехать, а то как бы сыск не объявили. За прогоны плачено, а за простой? У яслей в нашем деле – не больно наработаешь.

Я сел в кровати и протянул ему полтинник. Он повертел его, потёр о рукав, словно пытаясь стереть медный налёт, убрал, не забыв охнуть. Без сомнения, цвет серебра нравился ему больше. Надеюсь скрасить противный вкус отвара, я погрузил позолоченную ложечку в янтарный бриллиант капли мёда на дне хрустальной розетки. Казалось, живая глубина его бережно хранила растворенный жар щедрого летнего солнца.

– Скажи, Прохор, а ты грамотный?

– А то, – ответил он без запинки. – Меня в тайные звали-с, да я отписался, мол, милостивые государи, покорнейше повелеваю меня с разными глупостями не беспокоить.

Я кивнул, но не стал смеяться, давая понять, что разговор идёт серьёзный. Однако он тоже не улыбался.

– Семья есть у тебя? – он не ожидал этого моего вопроса и сощурился.

– Один.

– Как же тебя холостого в ямщики взяли? – спросил я въедливо, но он не замедлил с ответом.

– Я не на казённой гоньбе-с. У нас, вольных, как: гоняем своими лошадьми, а нет своих – деньги в залоге. Изредка кому, вроде тебя, поскорее надо – староста в подмену пару даёт, а мои нынче у него пасутся. Есть работа – везу. Но почту не гоняю, таких пакетов, вроде твоего, не вожу, только коммерческий груз и... хлыщей всяческих.

Тут понял я его интерес: сменить чужую пару рысаков на своих, ведь княжеская конюшня бесплатно снабжала его всеми припасами. Чем дальше, тем больше нравился он мне своей степенной рассудительностью, потому я и надумал предложить давно взвешенное:

– А что, Прохор, поедешь со мной в Африку?

Я с умыслом назвал самый дальний, почти легендарный для простого человека край своего путешествия, чтобы, сперва обескуражив, после немного пойти на попятный.

– Когда сто рублей серебром кладут-с, да вперёд – кто ж откажется? – ответил он, бодро ослабившись ровным рядом, словно три дня приуговаривался к такому разговору.

– В год, ассигнациями, – поправил я его. – Проезд, жильё и пропитание на мой счёт. Паспорт справлю.

Он, конечно, навряд ли ожидал и такого предложения, а вот я всерьёз задумывался, не нанять ли мне его в помощники в первый же день, как мы повстречались. А что, рассуждал я, дядьку моего, служившего в нашей семье при мне воспитателем, сколько себя помню, обязался я отправить из Одессы обратно в Москву, как только снарядимся на корабль, а Общество позволяло определиться с работником хоть в Константинополе, хоть в Леванте – на моё собственное решение. Так почему бы не сделать сего заранее, тем паче что человек попался расторопный, и годный не только в слуги, но и в помощники.

– Брат у меня – второй гильдии записан в Николаеве. В Царьграде аж лабаз имеет, – издали принялась набивать цену он, я молчал. – Знать, уж тычонку-то нажил. А ты меня рублём попрекал. Да я плавал туда-с. Ну, хоть двести...

– Куда плавал? В Константинополь? Сто двадцать. Или езжай с Богом.

– Ну же! От меня пользы – пропасть.

– А паспорт что ж?

– Я с греками плавал-с.

– Так и что с того? Увижу пользу – дам прибавку.

– А то. – Он многозначительно махнул рукой. – По-русски путают слова: им что *паспорт*, что *пиастры*... Годится! Сапоги только надо бы ещё справить-с. И ливрею какую-никакую. А то совестно перед басурманами. У них одна чалма как весь мой скарб.

Я расхохотался в ответ на его растянутый до ушей рот, а особенно на щегольскую поддёвку без рукавов. Уговорились, что он сгоняет до старшины за расчётом и вернётся. Я вручил ему серенькую в качестве подъёмных, и оказался немало удивлён, когда после получил от него расписку в получении.

– Чего ещё? – спросил я, наблюдая, как Прохор, вроде бы уже вполовину обернувшийся выходить, точно застрял в дверях.

– А убедился ты, что князь чертей копает? – мигнул он, закусив губу, и по его выражению я не смог понять, продолжает он шутить или говорит всерьёз.

– Чепуха, – отверг я резко. – Это звериные кости. Уговори лакея показать тебе подвал, небось, музей-то никогда не посещал?

Он посмотрел на меня с прищуром, хмыкнул.

– Э-э, нет, то бесовские кости, – остался он при своём. – Ты уж видел их?

– На рубль напрашиваешься?

– Сторговались, так сторговались. – Он вздохнул. – Мне лишнего не надо, я не волхованием копейку зарабатываю. Ты не думай, я не боюсь, а люди про то сказывают, что здесь ход в ад. – Он потыкал куда-то неопределённо пальцем и зашептал быстро, словно боялся не успеть: – Его люди. Бегут все от него, от чернокнижника, только пятки сверкают. Ты вот с ними потолкуй, пока кое-кто ещё остался. И спроси у князя про ход!

Не дожидаясь, пока я прогоню его, он поспешил выйти.

Хоть мы и столковались, я тогда ещё ничего для себя не решил. Случай вскоре доказал мне правоту моих намерений.

Дворецкому приказал я истопить баню, и уже приготовился собираться. Робкий стук в дверь отличался от тех грубых ударов, которыми лакеи и Прохор извещали о своём появлении. На моё обычное повеление войти... о Боже! Княжна Анна, кажется, в том самом платье, бледный всплеск которого той памятной ночью оставил в моей трепетавшей душе неизгладимый след, как бесплотный дух, тихо возникла на пороге, соперничая с тонкими солнечными лучами. Присев с моего поспешного и немного стеснённого разрешения на краешек стула в ногах, она положила на угол кровати книгу и поспешно произнесла:

– А слышали вы, Алексей Петрович, что ужин тот праздничный так и пропал. Ждали вас, ждали, все приготовились, а тут такое... Надеюсь, вы поправитесь к нашему прощальному

обеду. Приедет много гостей, и назначен большой праздник... Отец превозносил вас за решительность, рассказав, как отважно вы бросились спасать его, подвергая опасности свою жизнь, – сказала она после того, как мы, опровергая все слова о решительности и смелости, заверили друг друга в глубочайшем почтении и обменялись всеми полагавшимися в таком случае объяснениями. – Я благодарна вам за это... Вот, он велел передать... с тем, чтобы вы изволили прочесть на досуге... – Тут взгляд её упал на стопку исписанных листов, и она прибавила: – Вам, кажется, пригодились чернила? Приказать принести ещё?

Голос её, тихий и неуверенный, совсем не походил на твёрдую речь в день нашего знакомства. Она взирала на меня, не отводя глаз, чуть исподлобья, с некоторым вызовом, соответствовавшим её весьма двусмысленному вторжению, и я гадал, что могло заставить барышню совершить столь смелый шаг. Конечно, мне хотелось верить, что я произвёл на неё впечатление, породившее мгновенную влюблённость, ведь оказался же я сам влюблён в неё с первого взгляда! Но и слишком многое мешало таким мыслям.

По счастью, я быстро нашёлся, чем ответить, так, чтобы лёд недоверия и неловкости поскорее растаял. Поблагодарив её совершенно искренне за превосходные чернила, я протянул ей в подарок изящную костяную песочницу, наполненную тончайшего помола песком искрящегося золотистого оттенка. Я рассказал ей, что песок сей добывается в имении моего деда в крайне незначительном количестве, и более нигде в мире неизвестно сочетание таких минералов, придающих ему столь блистательный оттенок. Смеясь, она охотно приняла мой презент, довольно милый и совершенно невинный по существу. Теперь наш разговор мог продолжаться свободнее.

– Позвольте, – я протянул руку к книге, делая вид, что не в силах дотянуться. Она поднялась и подошла ближе, чего я и добивался. Лёгкий аромат лаванды дразнил моё обоняние и приводил в трепет воображение. Наши пальцы на мгновение соприкоснулись, прежде чем она снова села поодаль.

– Что это?

Я жаждал говорить с девушкой только о ней, а вовсе не о какой-то книге, но она нашла повод остаться, и я обязан был подыграть ей. Открыв обложку, я на минуту замешкался, но потом обрадовался удаче. Книга позволяла мне немедленно связать все мои корыстные интересы.

– «Га-Багир», – провозгласил я немного зловеще, – а именно, разъяснения к самому знаменитому каббалистическому сочинению.

– Это запрещённая книга? – её глаза оживила вспышка интереса, а вовсе не испуг.

– Насколько я осведомлён, нет. Не могут же наши цензоры успевать запрещать ещё и все подозрительные заграничные издания. – Мы оба рассмеялись, и я картинно приложил палец к губам и произнес по складам: – Но оно нежелательное. Неблагонадёжное. Но, – я понизил голос до шёпота и приложил палец к губам, – не обсуждайте это вне пределов сей комнаты, пусть это станет нашим с вами заговором.

– Заговором? Против кого же? – она чуть отстранилась, и округлившиеся губы её сказали о недоверчивом непонимании больше слов.

Быстрым поворотом головы, полуулыбкой, всплеском ресниц, взглядом снизу вверх – я был сражён окончательно.

– Против уныло и скучно мыслящих особ, – как мог, успокоил её я, давая понять, что не собираюсь заходить слишком далеко.

– Тогда расскажите мне, прошу вас, – попросила она, и кроме желания продолжить знакомство, я уловил и искреннее любопытство, свойственное по природе вообще всем миленьким женщинам. Она тут же добавила: – От отца мне не добиться ответов. Отец... он хороший человек, но своенравен и имеет странности. К нему здесь и отношение соответственное, – веки её вспорхнули, открыв встревоженный и пугливый взор, – и оно... беспокоит меня...

– Не всегда дружелюбное, – окончил я за неё. – Да, он человек с... твёрдым характером и собственными убеждениями, что в наше время хотя часто можно найти в душах, но редко – в словах и делах. Одно верно: обвинение в чернокнижии ему не грозит. «Багир» – возможно, самая древняя часть из всех книг каббалы, и само это слово всего лишь означает яркий свет или сияние – на древнем еврейском наречии. Но не спрашивайте меня о нём, я не изучал его в Университете. Эту брошюру я уже имел возможность видеть в руках Владимира Андреевича, теперь же я не смогу отказать себе в удовольствии принять её из ваших рук.

Анна немного порозовела:

– Отец надеется, что, несмотря на недомогание, вы в силах прочитать её, поскольку это поможет вам познакомиться с некоторыми его открытиями. Они с Евграфом Карловичем и Владимиром... Владимиром Андреевичем уже два дня втайне от остальных сутки напролёт трудятся над какими-то важными предметами... Представьте себе, все, кто находился на башне, слегли, как и вы, а у него одного только насморк... и даже голова зажила.

Я чуть усмехнулся, удовлетворённый тем фактом, что хотя художник и знал теперь более моего о предмете раскопок, но не имел времени на самый важный сейчас для меня предмет – объект моего сердечного интереса.

– Знаете вы, чем они так заняты?

– Возможно. Вы посещали подвал? Тогда вы лучше можете себе представить. – Она понизила голос до испуганного и несколько зловещего шёпота. – Ребёнком однажды попала я в эту темницу, и долго после того снились мне чудовища, оживавшие по мере того, как я миную их, и сползавшие вослед со своих пьедесталов. Я до сих пор прихожу в ужас от воспоминаний об их неспешных движениях позади меня, а паче от того, что ноги мои не слушались, и я не могла убежать от неотвратимо подкрадывающихся тварей.

Я сказал, что мне знакомо это кошмарное ощущение непослушных ног. Мы рассмеялись, но не слишком весело. Я предпочёл сменить русло беседы.

– Отец ваш не доверяет иноземцам, потому и вызвал господина Артамонова. Не расскажете мне о нём, Анна Александровна? Давно вы знакомы?

Она пожала плечами, справедливо подозревая во мне, конечно, лишь ревнивого соперника.

– С детства. Наши семьи состоят в дальнем родстве. Я плохо знакома с его корнями, кажется, он единственный остался из всего своего рода. Я лишь знаю, что по достижении срока Владимир должен принять наследство. Отец вызвал его для этого, а пока он распоряжается его достоянием.

– А я полагал, что ему нужен художник для помощи в собирании скелетов. Придать изящный наклон головы чучелу древнего носорога! – не сдержался я, но поймав её укоризненный взгляд, поспешил исправиться. – Господину Артамонову двадцать три, странный возраст для вступления в права распоряжаться своей собственностью. Кто же автор столь мудрёного завещания?

– Владимир Андреевич долго находился за границей, а до того учился в Петербурге, – словно оправдываясь, ответила она.

– За границей он стажировался недолго, а ради доброго наследства из столицы можно домчать в три недели. Похоже, он вовсе не ведал о своей доле? – с иронией спросил я, и пожалел, потому что на щеках княжны вспыхнул румянец от неловкости, перед которой я поставил её своим необдуманном подозрением.

– Вы верно догадались, – проговорила Анна чуть упавшим голосом. – Увы, мне неведома вся история, но когда Владимиру исполнился двадцать один год, отец скрыл от него правду... которую держал втайне и до того. И я опасаясь, что его переменчивый характер и на сей раз станет причиной не последовать голосу совести. Мне очень обидно, поскольку я люблю Владимира... как брата.

«Не сомневаюсь в чистоте вашей любви, но любит ли он вас лишь как сестру?»

Но я спросил ещё только, какие же сокровища ожидают счастливец. Вопрос мой звучал едко, от ясности осознания мной нашего с ним неравенства. Только совершенный младенец не услышал бы в нём кроме зависти горький упрек ревности. Нет, не положение в обществе тревожило меня, а сравнительное положение при сватовстве к княжне. Ужасно было сознавать, насколько дальше я от моей мечты, нежели он от своей цели, и сию минуту мечта и цель сия встаёт и направляется прочь. Лишь запоздалую просьбу о прощении успел промолвить я, прежде чем дверь отворилась.

Но княжна Анна не вышла, а, помедлив, снова закрыла её и обернулась:

– Я вовсе не держу на вас обиды. И приходила я не из-за книги. Она лишь повод. Может, это покажется самонадеянным, но чутьё подсказывает мне, что работы отца небезопасны и могут принести нам немало горя. Я беспокоюсь за него. Увы, мне не к кому обратиться. Родные мои тщательно хранят моё неведение, а Владимир знает ещё меньше моего...

«Как бы не так!» – зло подумал я, но помог ей собраться с духом:

– Вы можете всецело располагать мной, Анна Александровна. Хоть я и новый для вас человек, но обещаю оградить вас по мере сил от опасностей, только, ради Бога, скажите, что вас тревожит.

Она медлила, решая, как ей поступить, но потом заговорила тихо и быстро:

– Вы слышали что-нибудь о несчастьях, которые обрушиваются на тех, кто осмелился потревожить покой Арачинских болот?

– Мой кучер болтал всё время какие-то бредни, но я подозреваю в них обычные рассказы бездельников, ожидающих выгодного седока.

– Нет! – горячо возразила она, чем сильно меня обеспокоила. – Здесь многие шепчутся об этом, и не так давно господин Голуа оказался столь любезен, что поведал мне о нескольких загадочных случаях.

– Этот господин лично может их засвидетельствовать?

– Нет, но...

– Как и все прочие, – подвёл итог я. – Где-то кукарекнул петух, а на другой день вы слышите из уст дальнего соседа боевую канонаду.

Но её не успокоили мои рассуждения, и лицо только сильнее нахмурилось, хотя я жаждал видеть его светлым и радостным.

– Кое-что знала я и раньше, но не предполагала, что отец мой разгуливает по краю пропасти. Он, а теперь ещё и Владимир! Я спрашивала у матушки, но она объяснила всё впечатлительностью, свойственной моему возрасту и посоветовала мне только дожждаться отъезда. Долгий вояж, по её словам, совершенно изгладит все мои страхи. И вот теперь – эта дамба... А отец всё больше и больше погружен в свою странную работу, словно трясина болот безвозвратно засасывает его. Вы ездили туда с ним, скажите же, что вы видели? Я знаю, что отец мой не желает открывать своих дел, поэтому обещаю никому не передавать ваш рассказ.

Я, не таясь, рассказал ей о наших злоключениях, не скрыв от неё и собственных сомнений. Она выслушала меня внимательно и с благодарностью. Каких нечеловеческих сил стоило мне убить в себе мысль о том, что могу я обнять её и, успокаивая её всхлипывающее дыхание, гладить по волосам, шептать нежные признания, обещая отвести все грядущие беды...

Но – поклялся я честью: узнав правду, немедленно дать ей знать. Для этого, если понадобится, я обещал задержаться здесь на любой срок. Счастье горячей надеждой наполнило меня, когда, уходя, милостиво позволила она слать ей письма. Своей нежной ручкой она вывела мне в путевом журнале адрес в Навплии.

Помедлив, швырнул я ни в чём не повинную книгу в угол.

Анна! Я не мог уже не думать о ней постоянно, её образ витал за пределами, положенными пятью чувствами, и я уже убеждал себя, что она обязана ощущать ту же мистическую

и пленительную связь. Как и все нежные существа её возраста, наверное, боявшиеся всего, что связано с ночными похождениями, она не могла в душе не восхищаться теми, кто готов бросить вызов неведомому. В трясилах виделись ей несчастные юные утопленницы, а полные мертвецов древние могилы готовились разверзнуться вурдалаками. Кем бы ни представлялся ей отец: преступным гробокопателем или укротителем болотных кикимор, я не мог не радоваться тому, что часть её невольного восхищения отражалась и на моей персоне мрачным, но романтическим блеском.

Артамонов, рассуждал я, узнал о своём праве косвенным путём, ещё находясь за границей. Несомненно, тот, кто направлял дознание, имел свои интересы в этом деле. Тем более что путь, по которому сообщение достигло адресата, оказался весьма извилист. Кто-то знал или выведал тщательно хранимую тайну. Кто? Душеприказчик, желающий обеспечить свою долю? Или осведомлённое постороннее лицо, рассчитывающее на награду благодарного наследника? В чём суть наследства? Деньги, которые уже промотаны – такое часто случается. Но неведомый осведомитель в капюшоне утверждал, что всё наследство цело. Земли? Их здесь, в самом деле, без счёта. Но какова цена земель без работников? Мизерна, даже вблизи столиц. А если охотники до чужого наследства желают обеспечить свои потуги долей, то ничтожна десятикратно. И к чему итальянцу менять какую-нибудь Тоскану на бросовый участок в таком захолустье? Остаётся дом – самое верное имущество. Здесь он один, и вряд ли князь обманывал меня, утверждая, что наследовал своему бездетному дяде. Трудно представить, что родство Владимира Артамонова ближе, чем князя Александра и даёт ему надежду в этом споре. Но, как знать, нет ли где ещё усадьбы? Какова история того дома в Одессе, где когда-то проживали Прозоровские? Я поставил себе задание выяснить это между делом. Вопросы множились, не обещая никаких намёков на ответы. Но если это дом, по какой причине князь не желает вернуть его законному владельцу?.. И если он не вернёт по доброй воле, то у Владимира останется два способа обрести своё: отыскать недостающий документ, или – жениться на дочери князя! Ведь других наследников у того нет.

Так вот какова истинная цель господина Артамонова! Если прочие загадки остаются до поры неразгаданными, то хотя бы одна мишень поражена. Я позвонил и велел подать свой костюм. Его принесли мне вычищенным и выглаженным выше всякой похвалы.

Болезнь уступила место действию. Опрометчивая страсть толкала меня к губительной пропасти.

Но тем вечером не довелось мне добиться Артамонова. Анну я тоже не увидел и за поздним обедом. Досадуя на то, что мне, как и прочим, запрещён доступ в потайную лабораторию князя, и не имея открытой возможности говорить с княжной, я, заложив за спину руки, бродил по обширному саду. Мысли мои, разгорячённые ещё не вполне утихшей болезнью, я и сам находил довольно противоречивыми. Обе цели моего присутствия в усадьбе оказались неподвластны моему собственному расчёту, я принуждён был лишь покорно ожидать приглашений. Князь заперся наверху, и, нарушая свои же слова, изводил меня секретом, позволив работать с ним только Евграфу Карловичу и Артамонову; единственный ход к ним наподобие херувима денно и ночью поочередно охранял караул лакеев такой невероятной важности и полномочий, что им позавидовал бы иной архиерей. Из парка в сумерках я мог зреть лишь странное холодное свечение, словно медленно выливавшееся из окон под куполом. Княжна Анна на своей половине собиралась к отъезду, назначенному на четвёртый день, тревожить её было неучтиво, да и с чем – не с глупыми же объяснениями в сердечной страсти? Мне бы продолжать радоваться, что Артамонов не имеет возможности общения с княжной, меж тем как я всё-таки с ней говорил. А вместо этого опасался я того, что теперь он имеет возможность беспрепятственно влиять на отца её – не словами убеждения, но талантом, остроумием, усердием, коих у него нельзя отнять. Сам Владимир Артамонов оказался столь же недоступен, что и княжна, так что

не только любовь моя, но и ненависть не находили выхода, блуждая в моём мозгу, и словно повторяя фигуры, которые чертили ноги мои по присыпанным каменным крошечкам дорожкам.

Вернувшись к ночи в свои покои, я обнаружил просунутую под дверь записку. Княжна назначала мне свидание в парке на полдень завтрашнего дня. Изрядную часть ночи не в силах умерить сердцебиения, расхаживал я по комнате, возжигая пламень своей речи. Лишь прихваченный небольшим приступом оставлявшей меня болезни, я прилёг на постель перед рассветом.

Ещё не пробило и одиннадцати, а я уже прогуливался между меандрами подстриженных акаций. Место, условленное княжной, находилось в заброшенной части окрестностей, и я решил наведаться туда заранее, дабы не ошибиться в решительную минуту. Пройдя в сумерках длинной перголы, увитой плющом так, что он совершенно заслонял собою дневной свет, я очутился на краю парка, откуда путь лежал к мостику через затон рукотворного пруда. Между тем регулярный французский парк как-то неожиданно кончился, и я, убрав руку с железных перил, обнаружил себя не то в натуральных зарослях, не то в умышленной запущенности сада в духе англичан. Густое серое облако, укрывшее солнце за своим косматым краем и протянувшееся от самого горизонта, довершило мнимое превращение воздушности весеннего утра в угрюмую твердь сумерек. Всё окрест быстро приобретало негостеприимные очертания.

Тропинка, круто свернувшая на поляну, неожиданно для меня обернулась монолитом огромной стены. Лишь через секунды, чуть оправившись от мрачного вида испещрённых неведомыми рунами надгробий, поднял я кверху глаза и понял, что стою у одного из таинственных валунов, извлечённых Прозоровским из жутких недр Арачинских болот.

Всего на краю поляны, один подле другого, располагалось их три. Холод струился по их омытой веками поверхности, но всё же я, словно загипнотизированный, передвигался вокруг них, пока взгляд мой прикованно скользил по их сглаженным временем знакам. Тысячи лет тому какие-то неведомые мастера прикладывали упрямые усилия к тому, что скроется от человеческих глаз под водой на вечные времена. Вот истинное проклятие мест сих – бессмысленное творение, сравнимое лишь с мифической карой несчастного царя Сизифа, настигшей его за разглашение тайн богов. Цепляясь одна за другую, обвивая по рукам и ногам обманчиво тонкими стеблями выюна, загадки сплетали вокруг меня сплошную непроницаемую стену.

Причудливым показался мне и выбор моей принцессы. Между тем сомневаться в том, что пришёл я на заповедное место, не приходилось: указание на три валуна не могло никого сбить с толку. Но почему она не написала, что исполинские монолиты – те самые, с Арачинских болот? Поразмыслив, решил я, что юная княжна могла вовсе не знать, откуда взялись эти камни.

Двинувшись вокруг, я услышал какое-то движение и поспешил обогнуть ближайший монумент, как вдруг вздрогнул от чьего-то голоса из-за моего плеча.

– Простите, господин Рытин, если я напугал вас, – сказал человек, лицо которого оказалось мне знакомо, но, если бы он не нашёлся представиться, я оказался бы в затруднении. – Этьен Голау, из Прованса. Занимаюсь историей и философией. Археология – моя неразделённая страсть. Впечатлены?

Вопрос его был обращён в отношении камней, хотя мог бы относиться и к его собственному явлению предо мной, ибо от того, как этот господин, парадно одетый в чёрный сюртук с крахмальными манжетами белоснежной сорочки возник из-за валуна, мне сделалось не по себе. Высокий воротничок и платок, щегольски завязанный большим красивым узлом, не давали ему возможности опустить голову ниже некоторого предела, посему вздёрнутый подбородок его в сочетании с чуть опущенными веками создавали надменное выражение лица. Кроме того, в планы мои не входили встречи и беседы с кем бы то ни стало, даже с Артамоновым. И уж совсем не ожидал я, что столь уединённое место, неспроста избранное моей возлюбленной, окажется подобием трактира на почтовом перекрёстке, где назначают свидание все кому не лень. Потому, думаю, взгляд мой не предвещал моему визави ничего хорошего.

– Когда извлекли их, Этьен? – спросил я, вернувшись к своему медленному движению вокруг валунов, тогда как пальцы мои не могли оторваться от шершавой их чешуи. Хотя и обладал я запасом времени, но, задавая невинные вопросы, уже искал, как бы поскорее спровести его отсюда безвозвратно.

– С месяц тому. Или два? – изрёк он со вздохом, и в таком его ответе почудилось мне презрительное небрежение. – Время тычет здесь неравномерно, и это для меня. А уж для сих скал и подавно. По ту сторону ещё долго не зарастёт колея от подвод. Если позволите, я покажу.

Он вытянул руку с тонким стилосом из-под широкого и длинного плаща, приглашая меня следовать в указанном направлении. Не сделай он этого жеста, я, поглощённый множеством разнообразных мыслей вряд ли заметил бы, что одет он не вполне соответственно тёплому утру, не предвещавшему ещё четверть часа тому ни прохлады, ни дождя.

– Что думаете вы об этом? – я кивнул на монолиты.

– Я всё думаю, – он быстро приблизил своё лицо к моему и зловеще прошептал: – почему они перевёрнуты? А ведь они перевёрнуты, верно?

Так же внезапно он отодвинулся, и лицо его вновь сделалось лишь немного надменным. Тут только понял я, что не давало мне покоя. Все три истукана действительно стояли закопанные верхушками. С одного взгляда заметить это было трудно, ибо плиты тесались почти симметрично, но всё же теперь разница стала отчётливо видна.

– И почему же?

– Я не покидаю усадьбы, – с некоторой обидой ответил он, и губы его вытянулись. – Князь обходителен, но недоверчив. А вы сразу получили право посетить раскопки, вот и скажите мне «...каково *ваше* мнение», – ожидал услышать я, но он запнулся и резко закончил по-иному: – Какова ваша цель здесь?

Его недружелюбное поведение оскорбило меня, и я, вскипев в одну секунду, уже приготовился выпалить отповедь в том духе, что лезет он не в своё дело, но он вдруг поспешил переменить тон, и уже едва ли не просительно объяснил свой интерес ревностью исследователя. Он служил у князя уже больше года, но так и не вошёл в доверие, я же, едва прибыв, сразу получил аудиенцию и приглашение в самое сердце раскопок. Остыв, я успокоил его, что наши с князем отношения определены лишь официальным статусом, который имею я для оценки исследований Прозоровского. Кажется, ревность несчастного галла совсем утихла, когда он услышал, что я тоже не волен проникнуть за двери главной мастерской хозяина. Он спросил, что удалось узнать мне на болотах, но я ответил уклончиво, и заметил его раздражение, выразившееся в игре широких скул и пальцев, перебирающих стилос. Одна мысль не переставала мучить меня, и я просил на родном языке его перейти на французский, ибо «произношение остроконечных русских слов» доставляло ему видимое неудобство, но он с учтивым поклоном поспешил заверить, что в обществе, где есть хотя бы один русский, он всегда считает за обязанность изъясняться на языке принявшей его страны.

– Позвольте, я объясню мою настойчивость. Люди, собравшиеся в доме, некоторым образом ревнуют: князь, едва узнав вас, проявляет столько сдержанности и внимания к вашей особе, что наводит на сомнительные размышления. Прошу же, – его голос задрожал, вырываясь сквозь зубы, – поведайте мне правду, и я всё улажу: как прознали вы о находках здесь? Делеши не путешествуют так скоро. Кто наделил вас полномочиями? Неужели господин Писарев?

Уже мы оставили гигантские камни позади, и сейчас шествовали по траве, действительно высыпавшей в глубоких рытвинах, оставленных огромными колёсами. Этьен резко остановился при последних словах своих, чем заставил меня встать к нему лицом. Выражение его смешало в себе тоску, злобу и решимость, но я без труда выдержал натиск. Мы снова двинулись дальше. Хотел уж я повернуть назад, к камням, но Голуа заступил мне путь, и я пошёл по широкой тропе, надеясь, что скорый поворот выведет меня в парк.

– Вам следовало знать, что президентом Общества вновь избран Алексей Фёдорович Малиновский.

Он хмыкнул.

– Не чувствуете себя разменной картой?

– Не более чем любой из нас ощущает свою персону в руках Провидения.

Я нарочно растягивал слова и медлил, пытаясь раскусить его. Вдруг за деревьями мелькнул чей-то силуэт, но пропал так скоро, что не смог я разглядеть человека.

Злое, едва сдерживаемое негодование лилось из его уст теперь.

– Мы умеем считать, господин Рытин... или кто вы есть на самом деле. И нас заботит, что вы выдаёте себя за кого-то другого. Даже если бы господин Малиновский бросил все прочие дела и, добившись приказа вашего царя, кинул за вами свору фельдъегерей, вы не успели бы так скоро. Посему, я желаю знать... нет, не кто – вы, а кто за вами стоит. Итак, последний раз спрашиваю: кем вы подсланы?

Излишне говорить, что смысла его обвинений я не мог уразуметь, налицо выходила какая-то страшная ошибка, но гордость не позволяла мне начать увещевать его, в попытке спокойно во всём разобраться. Поворот мог совсем скрыть из виду три глыбы, но тут я увидел нечто, что заставило волосы мои зашевелиться под цилиндром.

Голуа следовал несколько позади меня и конечно видел, что я заметил шагах в пятнадцати от тропы правильный холм вырытой земли, рядом с чёрным прямоугольником свежей могилы! Я не боялся его стилоса, но плащ француза мог скрывать что угодно: кистень, кинжал или пистолет. Лихорадочно оценив, насколько вероятен выстрел, я пришёл к заключению, что убийцы остерегутся шуметь, и потому поспешил сделать несколько шагов вперёд, чтобы образовать между нами некоторый разрыв. Теперь понял я, кого неприятно напоминал мне костюм француза, в особенности его неуместные белые перчатки: гробовщика на официальных похоронах важной персоны.

– Не знаете ли, Этьен, кто бы мог без моего соизволения вести раскопки прямо у меня в имении? – раздался громкий оклик Прозоровского. Появившись из-за валунов, он быстро шёл к нам, показывая стеклом на могилу. Безупречный вид его заставлял предполагать, что он так и работает с костями – во фрачной паре цвета маренго, повязав шею алым атласным платком. Позади него увидел я двух его спешащих дворовых.

– Не имею представления, сударь, – с некоторым вызовом ответил тот.

– Тогда не соблаговолите ли пойти и выяснить это? – улыбка князя источала желчь доброты. – Мои люди помогут вам.

Легкомысленный предлог позволил ему немедленно прогнать Голуа прочь, а нескрываемая его надуманность заставила того, уходя, одарить меня завистливым взглядом, и дрожь плотно сжатых губ красноречивее любых слов свидетельствовала о буре, кипевшей в его душе.

Уже не сомневался я в подложности записки от княжны, и корил себя за романтическую доверчивость, ведь ничего не стоило мне сличить почерк на ней с той строкой адреса, что написала мне княжна Анна в книгу.

Прозоровский без каких-либо объяснений сказал, что в перерыве работы спустился проведать меня и побеседовать о... каббале, но, не найдя больного, отправился на поиски. Выслушав ответ, что меня не оставляют мысли о том чудовищном кладбище, он сказал, что пришёл сюда именно потому же. По его расчёту, в своих случайных прогулках я должен неизбежно набрести на валуны, кои задержат меня. Я предположил, улыбаясь, что поэтому он пришёл даже раньше меня и задержался сам, пока меня развлекал господин Голуа. На что он ответил, что мсье Голуа не следует знать более того, для чего он сюда призван.

«А как же с вашей дочерью? – хотелось спросить мне. – Разве для вас она стоит по ту же сторону черты, что и наёмные работники – границы, которой незримо отделили вы себя от ваших близких?»

– Что ж, – обещал я, – в таком случае беспокоиться нет причин, от меня он узнает правды не больше чем от этого камня. Ибо я нем, как ваши могилы, склепы и заклинания, сам не ведая ничего.

– Но мне всё же небезынтересно услышать ваши суждения, ибо ещё весной я находился в таком же положении, – настаивал Прозоровский. – До сей поры у нас не имелось возможности обсудить виденное, а мне важно знать, не сбился ли я в недавнем прошлом с тропы рассуждений в пользу одной гипотезы.

Я пожал плечами, скрестил руки на груди и, прислонившись спиной к валуну, начал:

– Скелеты разбросаны хаотически, и не кажутся похороненными планомерно. Впрочем, это я могу легко приписать подвижкам болотных почв. Но размеры всего захоронения не укладываются в сознание, особенно если иметь в виду, что кладбище должно иметь продолжение в глубину. История человеческих культур не знает подобных примеров. Правильно ли понимаю я, что один лишь край трясины подробно исследован?

– Совершенно так.

– Мне легче предположить, что границы некрополя не совпадают с берегами болот, иначе трудно объяснить их совпадение. В таком случае, всё проще: вам повезло натолкнуться на захоронения куда меньшего масштаба, чем вы предполагаете. Я сделал кое-какие подсчёты. Исходя из предположения, что простолюдинов не станут хоронить с такой пышностью, и принимая расчёты господина Роуза относительно численности древних царств, получаем, что некрополь мог наполняться около трёхсот или пятисот лет, выяснив же его границы, получим окончательную цифру.

– Как же они строили на болоте? – задал вопрос князь, побуждая меня продолжить.

– Хотя это не согласуется с поздними традициями устройства погостов, приходится делать вывод, что они строили в низине, и в какой-то злополучный момент та оказалась затопленной. Я бы с известной смелостью предположил, что вы обнаружили допотопное поселение, кладбище некоего полулегендарного города. Да! Часть воды осталась здесь и постепенно образовала трясину. Это объясняет многое, например и то, что мы ничего не знаем о погибшем народе и его письменности.

– Объясняет многое. Но не всё. Первое: скрижаль, найденная мною, несёт на себе древнееврейские знаки, но смысла мы в самом деле не понимаем. На валунах же и сами знаки неведомы. Второе: помните, мы двигались по дну сухого русла? Вас не удивило, что оно почти не заросло?

– Первое я могу объяснить тем, что предмет занесли в некрополь позже, например, в период хазарского каганата, относительно второго же полагал, что по весне оно становится дном потока, который вскоре пересыхает.

– Bravo, – от меня не укрылась вспышка его глаз при упоминании хазар. – Вы одарённый наблюдатель и делаете правильные заключения, – не без удовольствия похвалил он. – Вода сливается в более значительную речную систему. Это происходит каждый год. Почти каждый. Потому что иногда она направляется в болота.

– Каким же образом?

– Через канал. Мы обнаружили его случайно, ибо он-то как раз зарос многолетними побегами, не слишком, впрочем, старыми. Рукотворная перемычка из брёвен, камня и песка – хорошо замаскированный перешеек отделяет его от сухого русла, где оно делает крутой изгиб. А канал проложен прямо, с большим перепадом высот, таким образом, вода находит для себя более лёгкий путь. Использование пересыхающего потока – гениальное изобретение, должен я признать. Ведь восстанавливать заслонку посуху гораздо проще, чем в воде.

– Кто-то поддерживает неизменным уровень болот?

– И как изощрённо! Оцените сами. Болота не живут вечно, они могут иссохнуть, и тогда превратятся в заманчивые плодородные земли, а могут, чрезмерно оживлённые водой, стать

озёрами, и тогда по ним станут плавать рыбаки и забрасывать ненужные сети. Регулируя приток воды после засушливых лет, можно поддерживать желаемый уровень постоянным. Но до чего расчётливо! Всего-то надо изредка срывать перешеек, пока воды ещё нет, и заново насыпать его, когда русло уже пересохло. Минимум труда, и максимум результата.

– Кто же столетиями следит за этим, и с какой целью? – изумился я искренно.

– Те, кому нужно скрывать этот некрополь от людских глаз возможно дольше. Но если вы требуете назвать фамилию этого таинственного Агасфера – она мне неизвестна.

– Но почему не засыпать кладбище, если необходимо скрыть его?

– Оцените объем работ. Засыпать сорок акров – это одно, а сорок тысяч? Да ещё слоем, который нельзя перекопать или перепахать? Нет, болота – самый надёжный способ.

– Но требует присмотра. Вы должны признать, что либо некрополь юн, либо некие кладбищенские сторожа сидят и следят за ним. Подаю вам ещё одну мысль, ибо мне кажется, что подряд на земельные работы не мог испугать тех, кто трудился над обработкой тысяч валунов: они полагали, что в воде разложение пойдёт скорее, чем в земле.

– Недурно. Хотя, говоря вашим языком, подряды эти могли исполнять разные артели. Так или иначе, использование канала – не настолько слабое звено в цепи рассуждений, как кажется, потому что для его проверки требуется лишь терпение. Придётся пока смириться с ним до другого раза. Потом мы попробуем разговорить уста посвящённых. Согласитесь, какая редкая удача – поговорить с наследником допотопного царства! – рассмеялся он своим зычным смехом.

– Вы установили непрерывное наблюдение за перешейком?

– Нам не нужно. В весну, следующую за засухой, мы откроем сезон охоты.

– Здесь только три камня. Остальные решили вы не трогать?

– Далось непросто приволочь сюда и эти три, – ответил князь. – Видите ли, надписи на них в чём-то повторяются, что и дало повод Евграфу Карловичу думать о заклинаниях или некоей общей формуле погребального обряда, наподобие нашей панихиды. Предположительно, меняются лишь небольшие части, например, имена. Трёх надгробий вполне достаточно для изучения, потому что поверхности каждого изъедены временем так, что, сложив сохранившиеся части, мы получили почти полный сюжет. Пока и речи нет, чтобы прочитать его, конечно... К тому же замазать грязью от лишних глаз три валуна проще, чем десять, а, Алексей Петрович?

– Какова же причина, что ваш коллега почёл записи заклинаниями, а не славословиями в адрес важных усопших персон?

– Эпитафии не пишут одинаково, а христианские формы отпевания сложились гораздо позднее. Но есть и второй признак. Кладбище это совсем не обычно: на нём неизвестные убийцы не столько схоронили, сколько сокрыли своих жертв, возможно, жертв казни, как полагает Евграф Карлович. Мне ближе иная трактовка, которая, впрочем, тоже не без изъяна.

– Стихия?

– Некрополь такой величины на месте потопа? Немыслимо, – отрезал он. – Нет, нет, здесь совершилось убийство, но вот какое? Хладнокровная бойня или сражение?

– Какое бы ни было, воздайте хвалу Создателю за то, что ваше таинственное колено израилю ошиблось в расчётах. Вместо того, чтобы дать костям разложиться и навеки сгинуть в желанном забвении, они запечатали останки болотом, то есть в среде, где, как верно подметили вы, кости превосходно хранятся веками. Изгладить память о побеждённых не удалось, и вскоре вы откроете правду.

– О своём преступлении! – изрёк он почти торжественным шёпотом.

– Простите? – нахмурился я.

– Убийца, прячущий улики, желает скрыть своё преступление, а не загубленную душу.

Посему мой Евграф и видит здесь ужасную расправу.

Я напомнил, что для Бога нет ничего невозможного, воскресив в памяти первые строки книги Бытия. Лицо его посуровело. По-видимому, я нечаянно наткнулся на какую-то тревожившую его мысль.

– Всё не так просто, увы, – ответил он. – Но дайте мне ещё немного времени, и я в самом деле переверну для вас следующую страницу. Для вас – одного из немногих избранных, прежде чем это станет всеобщим достоянием!

Он молвил это так, словно предостерегал от каких-либо самостоятельных действий, могущих принести вред в его отсутствие, но лишь позднее догадался я об этом скрытом смысле его слов. Тогда же я задал иной вопрос:

– Стоит ли так утруждать себя ради одной особы? Наука требует от любого из нас стремиться к самому широкому распространению знаний.

Он резко отпрянул:

– Наука? О, нет! Той науке, которой служите вы, я не проводник.

– Чем же не угодила вам история? – удивился я непритворно. – И археология?

– Дело здесь вовсе не в истории, а в научном методе, отвергающем всё, кроме эксперимента. При том, что сам человек, – он изменил взволнованный тон на ядовитый, – в том числе человек науки, черпает своё убогое вдохновение в мире идей.

– Не бойтесь заклинаний у самого своего дома, Александр Николаевич? – спросил я, похлопав по валуну. – Или, перевернув их кверху дном, вы таким образом стараетесь обезопасить себя от тех, кто мог бы прочесть то, чему не стоит звучать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.